

ПОХОДЫ и ДѢЙСТВІЯ

70-го пѣхотнаго

РЯЖСКАГО ПОЛКА

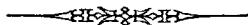
въ войну 1877—78 г. г.

(Воспоминанія вольноопредѣляющагося).

СОСТАВИЛЪ

Капитанъ Сергій Гуськовъ.

ЛЮБЛИНЪ.

ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ

1909.

ПОХОДЫ и ДѢЙСТВІЯ

70-го пѣхотнаго

РЯЖСКАГО ПОЛКА

въ войну 1877—78 г. г.

(Воспоминанія вольноопредѣляющагося).

I.

До войны.

Въ 1876 году разрывъ Россіи съ Турціей произошелъ окончательно и 2-го ноября была получена телеграмма о мобилизаціи арміи. Боже мой, какая каша заварилась съ этого момента! Не прошло и трехъ дней, какъ весь гор. Козловъ былъ заполненъ прибывающими запасными чинами, призванными опять на службу. На желѣзной дорогѣ происходило усиленное движеніе поѣздовъ: то-и-дѣло, привозила она этихъ запасныхъ, которыхъ тутъ же, на вокзалѣ, разбирали фельдфебеля нашего полка и уводили съ собою въ роты. Иные явились въ новой форменной одеждѣ, иные—въ полушубкахъ и зипунахъ, но всѣ вообще обросшіе волосами такъ, что и признать было трудно въ немъ солдата. Пошла работа у цѣрульниковъ, пошла работа въ швальнѣ, съ утра до ночи набитой запасными, пригоняющими себѣ новую срочную одежду. Въ этой суматохѣ,

въ этомъ, окружающемъ меня, общемъ оживленіи, я едва могъ разобратъся съ своими мыслями.—«Что это такое?—спрашивалъ я себя;—вѣдь, это—послѣдній шагъ приготовленія къ войнѣ? Стало быть, это правда? Правда, что и мы, наконецъ, пойдемъ на турокъ въ защиту Православной Вѣры и этого несчастнаго, угнетеннаго турками народа,—болгаръ?»

Съ какою завистью смотрѣли мы, бывало, когда изъ города отправлялись въ Сербію добровольцы: мы сами были движимы этими чувствами—помочь нашему брату—болгарину и отомстить туркамъ, за поруганный Крестъ, за поруганную Вѣру Христову; и вотъ, наконецъ, дождались мы, и мы пойдемъ туда, куда стремились добровольцы!...

Полкъ собрался на тѣсный сборъ и, не смотря на жестокую зиму, открылъ курсовую стрѣльбу и усиленные одиночныя и ротныя ученія.

Тѣмъ временемъ, солдатики распродавали свое добро, что нельзя было въ походъ брать; тутъ, разумѣется, маклаки погрѣли руки около насъ; но были случаи, что на зло этимъ шивацямъ, солдатики, собравши свое добро вмѣстѣ, сжигали все на площади, а офицеры награждали ихъ за убытки деньгами.. На улицахъ города шелъ наборъ и лошадей: ихъ тоже собирали, осматривали, сортировали и увозили куда-то.

Ноября 29-го дня былъ назначенъ напутственный молебень нашему полку, для чего полкъ былъ собранъ на городской площади, вокругъ собора. Масса народу толпилась кругомъ насъ, а съ прибытіемъ полковыхъ знаменъ, эта масса

увеличилась еще больше. Не смотря на сильный морозъ, солдаты были оживлены и веселы и съ любопытствомъ разсматривали публику, угадывая и узнавая своихъ близкихъ и знакомыхъ, пришедшихъ послѣдній разъ, можетъ быть, взглянуть на своихъ мужей, братьевъ и помолиться за нихъ. Начался молебенъ. Молились всѣ горячо и усердно. Я-же не могъ удержать слезъ подъ какимъ-то тяжелымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радостнымъ впечатлѣніемъ... Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда нашъ полковой священникъ о. Жемчужниковъ, молодой еще человѣкъ, сказалъ напутственное, горячее слово; слѣзы, буквально, полились и я уже ихъ не удерживалъ, такъ какъ видалъ, что и солдаты, и толпа почти всхлипывали и поминутно сморкались... Послѣ рѣчи священника, насъ окропили святой водой, а командиръ полка полковникъ Шелковниковъ, вспоминая славу нашихъ войскъ въ прежнія кампаніи, просилъ поддержать славу Рязцевъ, на что изъ рядовъ дружно и оглушительно пронеслось: «постараемся!» И послѣдній разъ Рязцы прошли церемониальнымъ маршемъ по улицамъ г. Козлова...

Посадка въ вагоны была назначена на завтра, въ 4 часа утра; но куда мы поѣдемъ—большинству изъ солдатъ не было извѣстно. Остатокъ этого дня мы употребили на сборы въ дорогу: выкладывали ранцы съ нашимъ солдатскимъ добромъ; я тоже занялся этимъ, при чемъ мнѣ было жалко расставаться съ нѣкоторыми штукаами бѣлья: все, думалось, пригодится въ походѣ, а потому и ранецъ оказался довольно

тяжелымъ, хотя сухари уже и не помѣстились. Многие солдатики подвыпили въ средѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, а у кого ни того, ни другаго не было—хозяинъ угощалъ на прощаньи.

На другой день, въ 3 часа утра, заиграли «сборъ» для 1-го эшелона. Въ улицахъ города засвѣтились огни, пошла возня по солдатскимъ квартирамъ и опять прощаніе, съ той-же неизбежной выпивкой, такъ-что, когда солдаты стали собираться передъ фельдфебельской квартирой со своими тяжелыми ранцами и разными холщевыми сумками,—многіе изъ нихъ были уже изрядно выпивши. Тронулись грузно; звонко застучали тяжелые шаги солдатъ по морозу и звонко отдавался шумный солдатскій говоръ по пустыннымъ улицамъ города до вокзала желѣзной дороги. Тутъ слышался, вмѣстѣ съ тѣмъ, и плачь женщинъ—солдатскихъ жень, провожавшихъ насъ до вокзала; каждая изъ нихъ, на своихъ плечахъ, несла солдатскій ранецъ, или суму, а благовѣрный ея шель только съ винтовкой, покуривая трубочку. Послышались шутки; иногда, какой-нибудь шутникъ заголоситъ женскимъ голосомъ на всю улицу, а солдатики громко хохочутъ...

Дошли до освѣщеннаго вокзала и выстроили фронтъ; но и тутъ бабы не могли оторваться отъ своихъ: они стояли въ 2—3-хъ шагахъ передъ фронтомъ и тихо плакали. Хотя въ это время подошли и другія роты нашего эшелона, но мы довольно долго простояли еще передъ вокзаломъ, такъ-что успѣли прозябнуть; въ вокзалъ еще не пускали и мы съ завистью посматривали на его освѣщенные окна. Наконецъ, приказано было

войдти и мы стали отогрѣваться, наталкиваясь другъ на друга. Въ залѣ 1-го класса былъ оживленный говоръ и слышались возгласы: это,— какъ говорили,—купечество провожаетъ нашихъ офицеровъ. По третьему звонку стали насъ выпускать, по одиночкѣ, для посадки въ вагоны. Каково же было мое удивленіе, когда я, выйдя на платформу, услыхалъ приглашеніе:

— Кавалеръ, пожалуйста поскорѣй; выпейте на дорожку за Козловское купеческое общество.

Здѣсь стояли столы, заставленные стаканами, рюмками и графинами съ водкой, а сбоку столовъ—большія корзины съ булками. На приглашеніе, солдаты, по очереди, подходили къ столу, выпивали по стаканчику, а кто могъ—и по два, о чемъ такъ обязательно упрасивалъ купчина, какъ только стаканчикъ ставился на столъ. Я тоже подошелъ, выпилъ и получилъ изъ рукъ купца булочку и даже пожеланіе быть поскорѣй офицеромъ, когда онъ замѣтилъ на моихъ погонахъ шнурки. Такъ, по-очередно, размѣстились мы въ багажныхъ вагонахъ, гдѣ были подѣланы лавки для сидѣнья; когда вагонъ наполнился 40 человекъ, сейчасъ же его заперли и уже не выпускали ни подъ какимъ предлогомъ, хотя поѣздъ нашъ не уходилъ еще довольно долго. Пока размѣщались, въ вагонахъ было, какъ-будто, тепло, или, скорѣе, мы не замѣчали холода; но вотъ, всѣ усѣлись и успокоились, и морозъ сталъ давать себя чувствовать, а когда, наконецъ, поѣздъ уже тронулся, то стало еще холоднѣй: вѣтеръ поддувалъ во всѣ щели; ноги и всѣ члены стали коченѣть, и этому не

предвидѣлось скорого исхода: поѣздъ нашъ шелъ очень тихо.

Однако, солдаты скоро нашли способъ согрѣваться: они стали лупить другъ друга въ спины, во что попало и такъ увлеклись этимъ, что только и видны были подымающіяся руки, и скоро, дѣйствительно, согрѣлись такъ, что паръ повалилъ, отъ чего закапало съ крыши вагона на наши крынковскія винтовки. Одинъ я сидѣлъ и мёрзъ все больше и больше; хотя мнѣ и хотѣлось потолкаться, но я чего-то стыдился: я такъ мало еще зналъ солдатъ, да и они меня тоже не знали, такъ какъ я прибылъ въ 1-ю роту только двѣ недѣли назадъ изъ учебной команды, гдѣ я находился по зачисленіи меня въ полкъ.

Наконецъ, мы достигли ст. Грязи, гдѣ намъ приготовляли обѣдъ; его пришлось-таки долго дожидаться и солдаты пока закусывали, кто чѣмъ могъ, стоя у своихъ вагоновъ и толкаясь по полотну дороги. Здѣсь была построена громадная столовая и кухня, куда мы собрались обѣдать всѣмъ эшелономъ; щи были хотя и не важныя, но горячія, такъ что каждый съ жадностью набросился на нихъ. Черезъ нѣсколько минутъ, въ баракъ этомъ ничего нельзя было видѣть, даже ложки въ бакъ опускали на-угадъ: такой былъ паръ отъ горячей пищи и дыханія; а спустя еще немного времени, стали капать крупныя капли съ потолка и попадали въ ложки и баки со щами, и безъ того жидкими. Однако, поѣли съ удовольствіемъ и разогрѣлись, а до прихода поѣзда со 2-мъ эшелономъ, время провели у костровъ, которые были разложены тутъ-же, около кухни.

Поѣздъ нашъ маневрировалъ и, къ удовольствію солдатъ, нацѣпилъ нѣсколько вагоновъ 3-го класса. Въ восторгѣ была 1-я рота и музыканты, когда узнали, что пересядутъ въ эти вагоны! Размѣстившись тамъ, сейчасъ-же затопили печи и трубочки закурили, позабывъ про своихъ однополчанъ, размѣстившихся все въ тѣхъ-же багажныхъ, или, какъ называли ихъ солдаты, «бичачьихъ» вагонахъ...

Ночью мы прибыли въ Елецъ. Насъ выстроили на платформѣ и повели куда-то, — въ темнотѣ нельзя было разобрать, — а потомъ, по одиночкѣ, стали пропускать въ двери деревяннаго барака, очевидно, наскоро устроеннаго. Баракъ былъ ярко освѣщенъ и заставленъ длинными столами, на которыхъ стояли кружки и чайники съ чаемъ. Насъ ожидало угощеніе: каждому солдату давали большую порцію мяса и булку, а затѣмъ, мы подходили къ столамъ и получали по кружкѣ чаю отъ слугъ, стоявшихъ у столовъ. Солдаты были очень рады случаю попить чайку и пили сколько кто могъ, весело разговаривая и похваливая кого-то за угощеніе. Толпа увлекла меня въ другой конецъ барака, гдѣ я, прижавшись въ углу и попивая чай изъ кружки, оглядѣлся. Здѣсь былъ устроенъ буфетъ, у котораго толпились наши офицеры, а кругомъ нихъ стояли почтенные купцы въ богатыхъ шубахъ и изъ своихъ рукъ предлагали угощеніе. Вверху барака были устроены хоры, кои сообщались съ низомъ двумя лѣстницами; на хорахъ, въ это время, была разнообразная публика и много дамъ. Стономъ стоялъ солдатскій говоръ въ баракѣ, по

крику и брани не было слышно: всё были довольны. Одинъ какой-то важный господинъ ходилъ въ толпѣ и приглашалъ солдатъ поменьше говорить и побольше пить чаю; толпа почтительно передъ нимъ разступалась и смолкала, многіе-же, снявши свои шапки, высказывали благодарность. Послышался голосъ нашего фельдфебеля, который вызвалъ пѣсенниковъ нашей роты, и самъ, будучи хорошимъ запѣвалой, повелъ ихъ на хоры. Раздался заунывный напѣвъ запѣвалы—фельдфебеля, хоръ дружно подхватилъ и полилась дружная пѣсня, которая такъ и вызвала на глаза слёзы... Пѣли хорошо въ нашей ротѣ: на весь полкъ славилась пѣсенники; да и здѣсь, видно, произвели надлежащее впечатлѣніе, такъ какъ дамы полѣзли за платками и смахивали слёзы... Купцы набросали пѣсенникамъ денегъ, а офицеровъ благодарили за доставленное имъ удовольствіе. Затѣмъ, солдаты стали выходить изъ барака и каждый считалъ своей обязанностью поблагодарить кого-нибудь изъ статскихъ; размѣстившись въ своихъ вагонахъ, долго еще толковали объ угощеніи въ Ельцѣ и со вздохомъ добавляли: «вотъ-бы вездѣ-то такъ, по-божески...»

Часамъ къ тремъ вечера, 2-го декабря, прибыли мы въ гор. Орель, гдѣ назначалась намъ днёвка. Забравши свои ранцы и винтовки, мы выстроились на платформѣ и составили ружья; затѣмъ, насъ повели въ крытыя платформы, гдѣ были разставлены длинные столы, накрытые бѣлыми скатертями и уставленные кружками съ налитымъ въ нихъ чаемъ, а сбоку, около каждой,

лежала большая булка и четыре куска сахару. Это,—какъ говорили,—было угощеніе отъ городского общества. Мы съ удовольствіемъ размѣстились на скамейкахъ и приступили къ чаю; всѣмъ очень любо было, что просторно сидѣть, да и по человѣчески приготовлено; а чаю пили тоже кто сколько пожелалъ. Не далеко отъ вокзала расположился эшелонъ по квартирамъ; наша рота заняла старыи домъ барскаго покроя со множествомъ комнатъ и печей, кои только-что были затоплены. При входѣ въ домъ, насъ обдало сырымъ затхлымъ воздухомъ; видно, домъ былъ нежилой, а можетъ быть, въ видахъ передвиженія войскъ, оставленный жильцами задолго до прихода нашего. Мебели въ домѣ—никакой, даже простой скамейки не было видно; какъ хочешь, такъ и располагайся! Глядя на это, я все раздумывалъ: «какъ-же мы будемъ спать?» Большинство-же, однако, объ этомъ вовсе не думало, а просто: винтовки поставили по угламъ, а ранцы привалили къ стѣнамъ и пошли толкаться по комнатамъ, разсматривая обои, двери и прочее, а нѣкоторые, уже разувшись, сушили портянки передъ топившейся печкой; были даже и такіе, что уже спали на голомъ полу, подложивши ранецъ подъ голову, — вотъ, эти-то больше всего меня и смущали: «какъ можно такъ спать?» — думалъ я.. Вышелъ на дворъ; тутъ говоръ и шумъ страшный: роты прибывали съ вокзала и размѣщались по сосѣднимъ домамъ; у воротъ стоялъ дневальный и остановилъ меня, когда я хотѣлъ выйти за нихъ: выходъ запрещенъ; но мѣра эта запоздала, такъ какъ многіе были уже

выпивши... Заиграли «на обѣдъ», и я, взявши ложку, вмѣстѣ съ другими отправился по улицѣ города, на которой горѣли уже фонари. Скоро подошли мы къ деревянному бараку, устроенному, должно быть, недавно; баракъ былъ огромный, со скамейками и столами внутри, гдѣ въ то время, многіе уже ѣли; двѣ лампочки плохо освѣщали внутренность, до того плохо, что трудно было разобратъся и узнать: свои солдаты или нѣтъ; почему я скоро потерялъ свою роту и все натѣкался на солдатъ другой части. Съ досадой на свою неопытность и голодный, я выбрался наружу и грустный поплелся назадъ по той же дорогѣ, купивъ себѣ мѣрзлую булку.

Я примостился возлѣ самой печки и скоро крѣпко заснулъ, расположившись тѣмъ-же способомъ, которому еще недавно такъ удивлялся.

Утро было туманное и морозное, когда мы снова собрались на вокзалъ, чтобы продолжать путь дальше; начальство еще не прибывало и намъ пришлось долго ожидать его; наконецъ пріѣхалъ командиръ полка и, обойдя фронтъ, приказалъ садиться въ вагоны. На этотъ разъ вагоны всѣ были «бычачьи» и мы, до самаго Курска, дрогли въ нихъ отъ холода. По временамъ, на большихъ станціяхъ, намъ дозволяли выходить изъ вагоновъ на платформу и въ вокзалы, гдѣ мы грѣлись и закусывали на свои деньги. Публики на такихъ станціяхъ всегда было много и особеннымъ вниманіемъ, ея пользовались наши ротные пѣсенники, которые, на платформѣ, собирались въ кружокъ и пѣли пѣсни до отхода поѣзда, они такъ молодецки пѣли.

такъ дѣйствовали на публику, что имъ хлопали въ ладоши и бросали деньги бумажныя, — я видѣлъ даже 25-ти рублевую. Надо сказать, что въ числѣ пѣсенниковъ у насъ былъ цыганъ Саратовской губерніи, рядовой Лебедевъ, благодаря которому хоръ нашъ и славился: онъ артистически игралъ на гармоникѣ и подпѣвалъ подъ нею какія-то цыганскія пѣсни, прищелкивая языкомъ и дѣлая движенія плечами, что у него всегда было послѣднимъ номеромъ исполненія, какъ говорится, «на закуску», чѣмъ и приводилъ въ восторгъ публику... Въ Курскъ мы пріѣхали вечеромъ и вошли въ вокзалъ съ ружьями и ранцами; обширныя помѣщенія вокзала биткомъ были набиты солдатами, — сѣсть нельзя было и думать, а тутъ еще прибылъ 2-й эшелонъ и тѣснота еще болѣе увеличилась.

Такъ и простояли всю ночь не сомнувши глазъ и поминутно толкаясь другъ о друга, — здѣсь слышалась брань и неудовольствія. Утромъ посадили насъ опять въ вагоны и мы рады были на этотъ разъ тѣмъ-же багажнымъ: сѣсть-то хоть можно было, а то, ноги отекли отъ ночного стоянія. Не помню названія станціи, туда мы пріѣхали часовъ въ 5 вечера; какія-то монахини изъ своихъ рукъ раздавали намъ по кружкѣ чаю и по булкѣ, чему мы были чрезвычайно рады, такъ какъ третью сутки горячаго ничего во рту не имѣли.

Въ Кіевъ пріѣхали на другой день утромъ; здѣсь приготовили намъ обѣдъ, а послѣ обѣда, въ залахъ вокзала, приготовили чай, — какъ говорили, — отъ дамскаго благотворительнаго комитета.

Хлопотали около столовъ и угощали насъ, дѣйствительно, дамы, со значкомъ «Краснаго креста» на рукавахъ; они были очень внимательны къ намъ, поминутно ходили между столами и смотрѣли: кто окончилъ свой чай, сейчасъ-же лакею приказывали наливать еще и не уходили дальше, пока стаканъ не подавался; солдаты съ любопытствомъ посматривали на этихъ красивыхъ и важныхъ дамъ, но держали себя, вообще, чинно. Въ 4 часа пополудни сѣли опять въ холодные вагоны и прибыли въ городъ Бѣлую-Церковь, ночью. Въ темнотѣ двинулись мы отъ вокзала къ городу и, пройдя версты двѣ, подошли къ казармамъ. Казармы представляли изъ себя громадное зданіе въ три этажа, но свѣту ни въ одномъ окнѣ не было видно, да и долго пришлось ожидать, пока пришелъ сторожъ и отперъ намъ двери. Заняли самый верхъ и стали располагаться, а я сейчасъ-же заснулъ на голыхъ нарахъ самымъ крѣпкимъ сномъ, хотя въ казармахъ былъ ужасный шумъ до самаго утра. Былъ воскресный день и никакихъ распоряженій, касательно дальнѣйшаго движенія не было; солдаты, командами, отправились осматривать городъ. Здѣсь все было ново для насъ: и особаго рода постройки, и пирамидальные тополя, и особаго рода упряжь на коняхъ, да и костюмы жителей, кои, въ маломъ числѣ, раннимъ утромъ показались намъ, и жида, высматривающіе пришедшихъ солдатъ и зазывающіе ихъ въ свои грязныя заведенія и лавчонки. Построекъ хорошихъ въ городѣ нѣтъ и, онъ представился намъ довольно грязнымъ по наружности, хотя на ули-

цахъ его и лежалъ снѣгъ. Скоро трактирныя заведенія были переполнены солдатами, и въ разговорахъ, да пересудахъ о видѣнномъ и слышанномъ, выпивали много китайской травы; а поговорить было о чемъ и было чему посмѣяться: солдаты въ первый разъ слышали малороссійскій языкъ; больше всего, разумѣется, смѣялись надъ собой же, вспоминая свои объясненія съ жидами и крестьянами; проѣханная дорога тоже вызвала различныя воспоминанія; про холодъ-же въ вагонахъ и помину не было теперь, когда животы распарили чаемъ.. Обѣдъ въ казармахъ былъ готовъ, почему-то, только въ 4 часа, да и то, не важный: мяса ни кому ни кусочка не попало, а во щахъ только плавали наши же сухари; однако, поѣли здорово и завалились спать до самаго утра слѣдующаго дня: до того всѣ были утомлены длинной дорогой!

На утро стало извѣстно, что въ 9 часовъ утра 1-й баталіонъ выступаетъ на свою новую стоянку—въ деревню Ольшанку, гдѣ, собственно, назначался штабъ баталіона и 1-й роты, а остальные роты—по сосѣднимъ деревнямъ; въ означенное время выступили и потянулись, длинной вереницей, по дорогѣ, занесенной глубокимъ снѣгомъ. Путь былъ хоть и короткій, всего 10 верстъ, но утомительный, и мы не скоро достигли Ольшанки; а такъ какъ ставили насъ къ обывателямъ на довольствіе, то и растянули нашу роту на три деревни, не далеко отстояція другъ отъ друга, такъ что разстановку окончили только часамъ къ тремъ. Хозяйка приняла меня привѣтливо, начала что-то рассказывать, но я мало

понималъ се и скоро пробрался на печку, грѣться; заснуть, однако, мнѣ не пришлось: мѣшали дѣти, которыхъ заинтересовали мои свѣтлыя пуговицы, и они постоянно теребили мою шинель... Потянулись скучные и однообразные дни; занятій, пока, никакихъ не было; стояли далеко другъ отъ друга, да и сугробы снѣга мѣшали общенію солдатъ, такъ что другъ друга почти не видали; вѣстей, тоже, никакихъ не было, только къ 25-му декабря стало извѣстно, что война съ Турціей пока отложена на неопредѣленное время, по крайней мѣрѣ, до весенняго вскрытія Дуная; да приказъ вышелъ собрать учебную команду и ротня школы, что особенно утѣшительно подѣйствовало на запасныхъ солдатъ, постоянно толковавшихъ о томъ, «что, вотъ-де, пойдѣмъ опять назадъ въ Козловъ, а тамъ, сейчасъ-же, и по домамъ распустятъ, что и газеты, вотъ, про то же говорятъ»; а газетъ-то мы, какъ говорится, и въ глаза не видали...

Такимъ образомъ, въ деревняхъ мы просто-яли до 20-го февраля 1877 года, когда полкъ собрали въ Бѣлой-Церкви, на тѣсный сборъ. Здѣсь только солдаты могли разобраться во мнѣніяхъ своихъ о здѣшней стоянкѣ; говорили, «что стоянка плохая, что гдѣ имъ, хохламъ, до российскихъ; одно слово—бѣднота»; а потомъ слышны были похвалы и даже хвастовство, одинъ говорилъ: «я ѣлъ вареники съ саломъ»; а другой ему: «а я—съ саломъ, да и съ сахаромъ...» Я-же скажу такъ: хоть и говорятъ, «что хохоль безъ сала жить не можетъ», однако, я убѣдился, что они преспокойно живутъ безъ сала; дѣло въ томъ,

что народъ здѣсь въ кабалѣ у жидовъ, да и вообще—бѣдный; про запасъ готовятъ только капусту, да картофель, а сало, да колбасы видятъ только на Рождество Христово, да на Пасху; рѣдко у какого хозяина виситъ на чердакѣ сало, или окорокъ свинины, да и этимъ-то своимъ добромъ угощается онъ не у себя дома, а идетъ къ тому-же жида въ корчму, гдѣ они справляютъ свои свадьбы, крестины и поминки. Наберетъ себѣ баба въ большую миску колбасъ, капусты, огурцовъ, завяжетъ въ платокъ и идетъ, со всей компаніей своей, въ корчму; другая семья—тоже тащить закуску, словомъ—всѣ, кто что можетъ, ну, и угощаются въ корчмѣ, обыкновенно, стоя, такъ какъ въ корчмахъ, кромѣ одного стола и одной скамейки, ничего нѣтъ. Вотъ, этотъ-то ихній обычай нашимъ солдатамъ и не понравился: «то-ли дѣло, —говорятъ,—дома праздновать: купилъ вина—и дома самъ себѣ хозяинъ; дѣлай, что хочешь...» Пища наша у хозяевъ, вообще, состояла только изъ кислаго борща съ картофелемъ, безъ мяса: мясо варилось только по большимъ праздникамъ; борщъ смѣнялся галушками и варениками, которые солдату больше всего нравились. Въ концѣ-концовъ, мы до того привыкли и обжились съ нашими хозяевами, что намъ ихъ жалко было оставлять, а имъ—разставаться съ нами; прощались, когда уходили въ городъ, со слезами; бабы надавали намъ своихъ «паляныцъ», «балабушекъ» и «кнышей» такъ много, что другой землякъ, продавши жида все въ первой-же корчмѣ, имѣлъ порядочную выпивку; большинство-же изъ насъ несли эти де-

ревенскіе подарки въ городъ про запасъ, гдѣ, какъ извѣстно было, стоять будемъ у жидовъ, а, стало-быть, никакой ласки для себя не увидимъ.

По сборѣ полка, начались усиленные занятія: открыли стрѣльбу, ротныя ученія, маневры и, наконецъ, все это завершилось смотромъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, который сказалъ намъ, что привезъ поклонъ отъ Царя и что Онъ ожидаетъ отъ насъ, что мы поддержимъ славу Русскаго войска въ ожидаемую войну и покажемъ всему свѣту себя молодцами. Смотръ сошелъ блестяще и похваламъ не было конца; но тяжелъ былъ этотъ смотръ для солдатъ: въ то время сибгъ еще не стаялъ, и плацъ очищали отъ него, но весь, все-таки, не могли очистить, и масса ногъ обратила его въ кашу, а потомъ и въ воду, такъ что парадировали выше колѣнъ въ водѣ.

Послѣ отъѣзда Великаго Князя, никто не сомнѣвался въ томъ, что война состоится; перестали думать о возвращеніи въ Козловъ, а говорили больше о предстоящихъ походахъ и войнѣ: «утрѣмъ носъ турку», — слышалось часто въ разговорахъ старыхъ солдатъ; начавшееся-же въ то время опять движеніе добровольцевъ въ Сербію, подстрекало и насъ ужасно: только и рѣчи было про войну, про турокъ и болгаръ, и всѣ съ нетерпѣніемъ стали ожидать объявленія войны, что наконецъ, и состоялось 12-го апрѣля.

Оживленіе повсюду видѣлось большое: городъ какъ бы проснулся..

20-го апрѣля отелужили напутственный молебенъ, а 22-го, 1-й эшелонъ, подъ звуки марша, выступилъ изъ города на вокзалъ, для посадки въ г. Бендеры. На этотъ разъ, всѣ вагоны для насъ были 3-го класса, хотя это было теперь и не особенно важно, но все таки пріятно было посмотреть, на прощаньи, на матушку — Русь. На станціяхъ всегда много публики ожидало насъ, а мы, съ музыкой и пѣніемъ, тихо отъѣзжали; женщины плакали, а мужчины глубоко вздыхали, а одинъ старикъ крестилъ отходящій поѣздъ.. Не помню, на какой станціи, намъ дозволили выйти изъ вагоновъ; прижавшись къ рѣшеткѣ, стояла на платформѣ деревенская баба среднихъ лѣтъ и, посматривая на солдатиковъ, сквозь слѣзы, часто вздыхала.

— Что, голубка, жалко тебѣ насъ?—спросилъ я её отъ нечего дѣлать

— А, жалко, родненькій, жалко!—опять вздохнула она.

— Плачь,—говорю,—баба, плачь! На войну мы идемъ; можетъ, намъ не придется и вернуться,—сказалъ я; да и самъ чуть не заплакалъ, видя, что послѣ моихъ словъ, баба, дѣйствительно, стала плакать...

— Я,—говорить,—вотъ такъ-то провожала своего муженька, въ походъ тоже, да и не вернулся, бѣдненькій!.. Безъ вѣсти, что-ль пропала,—говорить, и пошла, и пошла рассказывать, а слѣзы ужъ ручьемъ бѣгутъ у ней, и платка отъ глазъ не отнимаетъ...

Мнѣ ужасно какъ стало тяжело, горло что-то сдавило и слезы тоже полились; я бросился въ вагонъ..

II.

На походъ.

Въ Бендеры мы прибыли 24-го апрѣля, вечеромъ, и застали тамъ множество разнородныхъ войскъ, а платформы, на вокзалѣ, загроможденными орудіями, лафетами и платформами; говорили, что недѣлю тому назадъ, отсюда, цѣлая дивизія вышла за границу. Поставили насъ въ городъ по обывателямъ—евреямъ, по пяти чело-вѣкъ и болѣе у каждаго, но пища была своя—казенная; солдаты здѣсь открыли оживленный торгъ своимъ добромъ, какое, кой-у-кого, еще оставалось лишнимъ, когда узнали, что дальнѣй-шій нашъ путь будемъ дѣлать на своихъ ногахъ. Здѣсь, въ крѣпости, мнѣ удалось видѣть опытъ освѣщенія посредствомъ электрической машины, въ ночное время, впереди лежащаго простран-ства; видно было верстъ на 5 и болѣе; и такъ ясно, какъ днемъ, представлялись всѣ предметы.

Между тѣмъ, стрѣльба и ученія продолжа-лись своимъ чередомъ, пока, наконецъ, 4-го мая, не назначено было выступленіе въ городъ Галацъ, куда мы должны были прибыть 16-го мая, сдѣ-лавъ 209 верстъ въ 12 дней, въ числѣ коихъ назначено было три дневки. Въ назначенный день стали собираться съ четырехъ часовъ утра; но долго ждали еще сбора всего отряда, такъ-что выступили только въ 6 часовъ; сперва, казалось, идти было не трудно: ранецъ не давилъ, да и по-года благопріятствовала,—солнца не видно было и дулъ маленькій вѣтерокъ; но въ половинѣ до-

роги, къ большому привалу, стали уставать и едва дотащились до него, повалившись на землю, какъ убитые. Разумѣется, мы думали, что ранцы наши слишкомъ тяжело паложены и потому стали выбрасывать все, что казалось еще лишнимъ: наушники, набрюшники; выкидывали даже рубахи и сухари; казалось, что послѣ этого непременно легче будетъ. Когда снялись съ привала, то оказалось, что все поле было усеяно разными принадлежностями солдатскаго имущества; но увы! — напрасно! Стоило только пройти немного — и ранецъ съ новой, какъ-будто, силой давилъ на плечи, на грудь — немилосердно; къ этому еще прибавилась жара: солнце показалось и уже пекло, а вѣтерокъ не продувалъ больше... Непривычные къ походу, а главное — такому тяжелому ранцу, мы скоро постирали себѣ ноги и, похрамывая и морщась на каждомъ шагу, еле-еле дотащились до деревни Ново-Каушаны, оставивъ за собой по дорогѣ много слабыхъ и больныхъ, кои не могли уже двигаться, а валялись на землѣ, какъ мертвые. Я и самъ чуть-было не остался на дорогѣ, чувствуя страшную боль въ ногахъ, отъ натертыхъ водяныхъ мозолей; но стыдъ удержалъ меня на ногахъ и я кое-какъ добрелъ, вмѣстѣ съ своей ротой. Размѣстили насъ здѣсь чело-вѣкъ по 8—10 въ каждой хатѣ; хоть и большая была деревня, но для бригады едва хватило мѣста. Я сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ и не слыхалъ сигнала на обѣдъ; такъ и проспалъ до вечера. Съ страшнымъ мученіемъ, я стащилъ съ себя сапоги и, взглянувъ на ноги, пришелъ въ ужасъ. «Ну, — думаю, — какъ могу я завтра

идти съ такими ногами: придется въ лазаретъ идти»; однако, я показалъ ноги старому солдату изъ запаса, и онъ, успокоивъ меня, что ничего важнаго нѣтъ, намазалъ свѣчнымъ саломъ мои носки и ноги и не велѣлъ надѣвать сапогъ до самаго утра. Спасибо ему большое: дѣйствительно—помогъ! На утро, когда заиграли сборъ, хоть трудно и больно вначалѣ было ходить, но, мало-по-малу расходившись, я чувствовалъ, что могу идти дальше въ походъ и мысль о лазаретѣ пропала. Сегодня Рязанскій полкъ пошелъ впередъ, такъ что мы тронулись только въ 6 часовъ утра; мѣстность пошла волнистая, то и дѣло, что поднимались, да спускались; глазамъ часто представлялся весь отрядъ съ артиллеріей, и сердцу было веселѣй, когда грозная масса со штыками и пушками, блестящими на солнцѣ, вновь показывалась впереди, на горѣ,—глазъ не хотѣлось отрывать отъ этой картины. Идти было теперь легче, въ особенности, когда играла музыка; солдаты какъ-то подтягивались, брали ногу и, встряхнувъ на своихъ плечахъ ранцы, шли молодцами. Когда мы подходили къ Монзырю—нашему новому ночлегу, насъ окропилъ дождикъ; пошли еще скорѣе; здѣсь, подъ деревней, мы обогнали Рязанцевъ, кои остановились на маломъ привалѣ; солдаты лежали на спинахъ, а офицеры, разсѣвшись вокругъ барабановъ, закусывали, не обращая никакого вниманія на дождь. Въ деревнѣ Монзырь, насъ размѣстили человекъ по 30-ти на хату; хозяева были молдоване и говорили на непонятномъ намъ языкѣ, хотя хорошо разговаривали и по русски. Я теперь научился

обращаться съ своими ногами: пришедши—не разувался, а только снималъ аммуницію и тихо ходилъ около хаты, пока ноги не просыхали, а на ночь снималъ сапоги и опять намазывалъ саломъ портянки и носки.

На утро другого дня, въ 4½ часа утра, мы выступили въ село Бородино; дорога, сперва, шла ровная и идти было легко, а съ половины дороги начались крутые подъемы и спуски,—идти стало труднѣе, а обозъ нашъ совсѣмъ остановился и къ нему назначили роту, для помощи; благодаря медленному движенію обоза, мы дѣлали два привала и потому нисколько не устали. Издали Бородино представлялось очень красивымъ: видны были правильныя улицы изъ бѣлыхъ домиковъ и сады; когда же проходили селомъ, то еще больше дивились чистотѣ и порядку, и жители были хорошо и опрятно одѣты; они теперь всѣ повысыпали изъ домовъ своихъ и смотрѣли на насъ. Въ хатахъ было очень чисто и уютно: на окнахъ—занавѣски, на кроватяхъ—тоже занавѣски и бѣлье чистое, а полъ былъ посыпанъ желтымъ пескомъ. Здѣсь насъ размѣстили человекъ по 20-ти на хату, но, разумѣется, не всѣ могли помѣститься въ нихъ; размѣщались же, какъ кому нравилось больше: кто—уходилъ на чердакъ, кто—въ хлѣвъ, а кто—и просто располагался на дворѣ, у забора,—благо, была хорошая погода; каждый солдатъ здѣсь покупалъ себѣ молока, котораго у жителей было много, и закусывалъ до обѣда сухарями; стали скучать за хлѣбомъ: сухари скоро пріѣдаются, да и пища вообще, безъ капусты, не

направилась солдатамъ, такъ какъ постоянно варили какую-то кашу. Здѣсь была и лавочка, гдѣ мы, пользуясь дневкой, дешево покупали сало и ветчину, запасаясь на дорогу. 8-го мая, въ 5 часовъ утра, мы выступили въ Тарутино. Весело было идти селеніемъ подь музыку, на звуки которой и колонисты вышли изъ своихъ домовъ; день былъ не жаркій и мы мало утомились, хотя мѣстность тоже была волнистая. Тарутино показалось намъ въ лощинѣ, съ такими же правильными улицами, какъ въ Бородинѣ, только здѣсь зелени было больше и оно выглядывало живописнѣе. Въ селеніи оказалось нѣсколько лавочекъ и кабаковъ, содержимыхъ евреями, и въ ротахъ, передъ обѣдомъ, пили водку, которой давно ужъ не видали.

Мая 9-го дня, выступили часовъ въ 5, въ деревню Малоярославецъ. Дорога шла гористая до самаго селенія; утро было очень туманное, а потомъ пошелъ сильный дождь, который подгонялъ насъ въ дорогѣ, такъ что, добравшись до села, мы, не разбирая удобствъ, живо размѣстились, кто гдѣ могъ: всѣ овчарни и хлѣвы были заняты,—каждому поскорѣ хотѣлось укрыться отъ дождя, который не переставалъ идти и во весь слѣдующій день, когда мы выступили въ Чиншію, (Градина). Дорогу размочило дождемъ такъ, что очень трудно было идти, хотя, въ послѣднее время, мы и втянулись въ походъ; переходъ былъ большой: дѣлали два привала. Чиншія представляла уже не такой видъ, какъ предшествующія селенія: здѣсь порядка въ постройкахъ и чистоты не было, на улицахъ—

навозъ и грязь непроходимая. Была дневка на другой день и я пошелъ погулять; на одной улицѣ я былъ остановленъ какимъ-то господиномъ; онъ отрекомендовался мнѣ и спросилъ: не юнкеръ-ли я? Я объяснилъ, что не юнкеръ и спросилъ, что ему угодно.

— Я, видите-ли, хочу поступить въ какой-нибудь полкъ охотникомъ и идти на войну вмѣстѣ съ вами.

И сталъ рассказывать дальше, что онъ былъ добровольцемъ въ Сербіи, но вернулся оттуда съ цѣлью поступить въ войска регулярныя. Я, на сколько умѣлъ, объяснилъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ и разстался съ нимъ, раздумывая, какъ, въ эдакой глуши, находятся люди, движимые такими высокими чувствами...

Мая 12-го дня, часовъ въ 11 утра, мы переходили Румынскую границу, приблизясь къ которой, полкъ остановился и, расположившись покоемъ вокругъ походнаго анаоя, отслушалъ молебень съ водосвятиемъ. Офицеры и солдаты были очень оживлены и весело разговаривали, отдыхая на травѣ, послѣ молебна; а когда двинулись дальше, то все по пути разсматривали съ удвоеннымъ любопытствомъ, въ надеждѣ открыть что-нибудь новое, невиданное еще; но новаго ничего не попадалось, если не считать румынскаго городка Болграда и бѣлой акаціи въ его маленькихъ садикахъ, которая, въ то время, была въ полномъ цвѣтѣ и очень хорошо пахла. На улицахъ города было большое оживленіе, но главная масса люда были, разумѣется, солдаты, которые тотчасъ-же, съ прихода, начали оты-

скивать лавки и трактиры; здѣсь же, между нашими солдатами, видны были и уланы, которые, — какъ говорили, — со дня на день ожидали дальнѣйшаго движенія. Городокъ Болградъ — маленькій и грязный, домики — преимущественно съ балкончиками; въ домахъ у румынъ чисто и свѣтло, но за то, поѣсть ничего нельзя было достать у нихъ, кромѣ мамалыги, которую они и предлагали за деньги; румыны по русски уже не говорятъ, а объясняются съ нами знаками. Между прочимъ, здѣсь мы были обрадованы тѣмъ, что получили хлѣбъ вмѣсто сухарей; да и хлѣбъ же былъ! — просто, какъ пряникъ!..

На другой день, 13-го мая, двигаясь на Чисме, мы около Болграда, переходили вбродъ какую-то рѣчку; мостъ хотя и былъ, но вслѣдствіе разлива рѣки, стоялъ окруженный со всѣхъ сторонъ водою; сняли сапоги и штаны и стали переходить воду. Здѣсь было много солдатской потѣхи: смѣялись и шутили надъ тѣми несчастными, кои попадались мимо брода и окунались со всѣмъ, своимъ багажемъ въ глубокомъ мѣстѣ; они вскрикивали въ испугѣ и, неуклюже карабкаясь, выбирались изъ глубокой воды.

Вытянулись всѣ, наконецъ, на высокій берегъ и стали на отдыхъ, въ ожиданіи обоза. Во 2-й ротѣ собралась большая кучка солдатъ и оттуда доносились звуки скрипки; мы тоже подошли туда и увидали, какъ одинъ бѣлобрысый солдатъ давалъ представленіе подъ музыку; онъ обладалъ замѣчательной мимикой, и солдаты покатывались со смѣху, при каждой новой grimace его тѣлодвиженія; кучка солдатъ все больше

увеличивалась и все шире дѣлали для него кругъ, чтобы всеѣмъ видно было; солдатъ не уставалъ, и все больше и больше одушевлялся, придумывая новыя штуки; но вдругъ, къ кучкѣ, на конѣ, подъѣзжаетъ командиръ полка; все смолкло сразу, какъ по командѣ...

— Что вы тутъ дѣлаете, ребята? — спросилъ онъ

— Да, вотъ, ваше высокоблагородіе, пляшетъ тутъ одинъ, а мы смотримъ,—сказалъ робко одинъ какой-то солдатъ.

— А!.. ну, продолжай братъ, и я посмотрю, — сказалъ полковникъ и сталъ закуривать папироску.

Скрипка не смѣло сначала начала опять пилить, но потомъ обошла и пошла опять та-же потѣха: плясунъ, нисколько не стѣсняясь, сталъ отхватывать такія штуки, что солдаты, позабывая присутствіе командира полка, просто животики надрывали отъ смѣху, да и самъ полковникъ давно уже смѣялся и даже слѣзы у него отъ смѣху на глазахъ показались...

— Какъ твоя фамилія? — спрашиваетъ наконецъ, онъ

— Соченевъ, ваше высокоблагородіе! — бойко и тоненькимъ голоскомъ отвѣчаетъ плясунъ

— Какой ты роты?

— Второй роты, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ онъ.

— Молодчина, братецъ! Спасибо тебѣ; удружишь! Вотъ тебѣ... — и дастаетъ полковникъ изъ кошелька три рубля бумажкой.

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!— отвѣчаетъ тотъ и не смѣло протягиваетъ руку къ бумажкѣ.

— Смотри у меня! Будь всегда такимъ-же веселымъ солдатомъ!—проговорилъ полковникъ, отвѣзжая отъ солдатъ къ обозу.

Тутъ пошло раздолье ещѣ больше. Соченевъ оживился чрезвычайно, и вызвавъ изъ 2-й же роты своего подручнаго, сталъ продѣлывать вмѣстѣ съ нимъ какое то сложное и чрезвычайно смѣшное представленіе, пока, наконецъ, не забыли «подъемъ»...

Дорога шла гористая и трудная; скоро открылся великолѣпный видъ на впереди лежащую даль; показались въ синевѣ какія-то горы, и солдаты стали дѣлать предположенія на ихъ счетъ, позабывая про свою усталость.

— Э! Вонъ онъ, чортовъ турка! На тѣхъ горахъ, знать, сидитъ: это безпремѣнно у его!—говоритъ одинъ.

— А то гдѣ-жъ, какъ не у его,—отвѣчаетъ другой:—вотъ, ты поди до него и подымись, а онъ-те оттуда палить зачнетъ!..

— Ну, палить-то и мы умѣемъ, да еще, можетъ, и получше: оттуда вышибемъ его какъ разъ!—замѣтилъ кто-то въ сторонѣ.

— Ишь-ты, вострый какой! Такъ сейчасъ и вышибь!.. А Дунай-то рѣка на что? Поди-ка, попробуй! Это, братъ, не Воронежъ лѣсной!..—отзывается къ нему съ сердцемъ первый.

— Что пробовать-то: ужъ, поди, пробовано! А все-жъ ему не устоять! -- И въ такомъ родѣ пошли препираться другъ съ другомъ запасные

усачи, кои побольше кадровыхъ слышали и видали кое-чего.

— А что, братцы, много-ль верстовъ-то отсель до нихъ будетъ? — задалъ кто-то вопросъ и сразу прекратилъ препирательства: стали серьезно рѣшать всѣ, сколько верствъ до синихъ горъ будетъ и, послѣ долгихъ споровъ, пришли къ одному заключенію: верствъ 75—навѣрное. Дождь, въ это время начавшійся, поливалъ насъ до самой деревни Чимше; шинелей, однако, не раскатывали: рѣшили, что лучше сухимъ прикрыться на ночлегѣ. Чимше—грязная и небольшая деревенька, и ночлегъ былъ здѣсь плохой; одно только солдатамъ понравилось: дешевая здѣсь была водка: три конѣйки нашъ шкаликъ продавался! Но и тутъ солдаты придумали цѣлую исторію, что это не просто: «это румынцы нашему Царю въ уваженіе такъ цѣну спустили, а то у нихъ, слышь, водка-то дороже нашей»,—говорили они.

Переночевавъ, мы выступили, 14-го мая, въ гор. Рени, гдѣ назначалась намъ дневка: дождь, не переставая, лилъ во всю дорогу и глинистый грунтъ развезло такъ, что мы еле-еле тащились, поминутно скользя и натываясь другъ на друга съ ругательствами.

Рени—городишко небольшой, грязный, безъ мостовыхъ, стоитъ на самомъ берегу Дуная; домовъ хорошихъ въ немъ тоже не было видно, а все какіе-то старые, закопченные, и преимущественно, занятые кабаками, да трактирами. Размѣстились мы здѣсь по нежилымъ домамъ, гдѣ никакой мебели, никакой подстилки не было.

Показывали намъ здѣсь одинъ домъ съ пробитой крышей и стѣной,—какъ говорили,—турки съ парохода стрѣляли по городу и граната попала въ этотъ домъ.

Утромъ множество солдатъ гуляло по берегу Дуная и любовались противоположнымъ турецкимъ берегомъ, который, среди утренняго тумана, черезъ широкій разливъ, неясно выступалъ на утреннемъ солнцѣ; здѣсь и офицеры наши ходили съ биноклями и старались увидеть что-нибудь на другомъ берегу; мы слышали даже переговоры ихъ, что видны люди, видны деревни; но мы, простымъ глазомъ, ничего этого не видѣли и только напрасно таращили глаза. Правѣе, по горизонту, отчетливо выдѣлялся городъ Галацъ съ своими высокими башнями и тоже довольно высокимъ берегомъ Дуная. На самой рѣкѣ, у нашего берега, стояли два какихъ-то оснащенныхъ судна, кои тоже не избѣгли осмотра нашего; а румыны показывали намъ на какой-то остатокъ мачты, торчащей изъ воды, увѣряя, что это былъ турецкій пароходъ, затонувшій недавно отъ дѣйствія нашихъ торпедъ. Цѣлый день глазѣли на все это солдаты и ушли только тогда, когда въ другомъ концѣ города заиграла музыка; всѣ пошли туда. Передъ большимъ зданіемъ, которое стояло какъ-то отдѣльно (говорили, что то былъ, когда-то, театръ), окруженнымъ, недавно еще разбитымъ, садомъ, стояли два хора музыки: одинъ—Рязанскаго полка, другой—полка 30-й дивизіи, и играли по-очередно. На террасѣ и въ саду было множество офицеровъ и дамъ, какъ слышно было по говору,—русскихъ; здѣсь

стоя у изгороди, солдаты слушали музыку и дѣлали оцѣнку тому и другому хору. Съ наступленіемъ темноты, вспомнивъ, что завтра рано выступаемъ, пошелъ я въ роту, а музыка продолжала играть далеко за полночь, что слышно было и въ нашихъ казармахъ, при наступившей тишинѣ...

16-го мая мы выступили въ Галацъ, усиливъ боковые патрули и снявши надульные и прицѣльные покрышки, кои намъ разрѣшали надѣвать въ походѣ. Вышедши на возвышенное мѣсто, мы увидали большой разливъ воды: это— Дунай затопилъ сосѣднія болота и озера, такъ что ширина воднаго пространства была здѣсь до 15-ти верстъ; перешли рѣку Прутъ и вытянулись по шоссе, которое шло длинной лентой среди воды до самаго города.

Галацъ—очень красивый городъ; стоитъ на самомъ берегу рѣки Дуная, спуски къ которому въ этомъ мѣстѣ были довольно круты; улицы всѣ мощенныя, дома въ нѣсколько этажей и съ балконами; но больше всего солдаты обратили вниманіе на то, что въ оконныхъ рамахъ каждаго дома были вставлены желѣзныя рѣшетки, что дало поводъ къ слѣдующему выводу: «видно, тоже турку бояться; вотъ и загородились; а куды—какъ некрасиво: будто, въ острогѣ...» Тротуары были запружены публикой, которая, видимо, ждала насъ, и мы, подъ звуки военного марша, вступили въ городъ; на одной улицѣ, противъ какого-то большаго дома, стояла группа военныхъ, среди которыхъ находился нашъ корпусный командиръ—генераль-лейтенантъ Циммерманъ, ко-

горый пропускалъ полки церемоніальнымъ маршемъ, благодаря и хваля каждую роту; дѣйствительно, шли молодцами и передъ румынами въ грязь лицомъ не ударили, что видно было по одобрительнымъ жестамъ публики, съ причмокиваніемъ языкомъ ..

Въ одной верстѣ за городомъ расположились мы бивуакомъ, разставивъ въ порядкѣ наши походныя палатки, только подстилки не доставало для полнѣйшаго удовольствія; рѣка была передъ фронтомъ не далѣе версты, — тамъ на берегу, и кухни наши были. Скоро по бивуаку появились разносчики съ табакомъ, дегтемъ и даже водкой; но послѣднихъ скоро удалили. Дня три простояли мы отдыхая и охорашиваясь; здѣсь въ первый разъ удалось намъ помытъ свое бѣлье, да и самимъ помыться, а то въ походѣ, у насъ завелось кое-что, что не давало намъ покоя; затѣмъ, начались ученья, и имъ, казалось, конца не будетъ, такъ какъ про переправу черезъ Дунай не было ни слуху, ни духу, хотя турецкій берегъ былъ и близко, и видѣнъ былъ, какъ на ладони, даже городъ Мачинъ и кое-какія деревни. Скоро первый баталіонъ получилъ назначеніе охранять кое-какія пункты на Дунаѣ, и 21-го мая выступилъ; 1-я рота была назначена охранять Барбошскій мостъ желѣзной дороги черезъ рѣку Серетъ; одинъ изъ взводовъ былъ разведенъ на посты, нѣкоторые изъ нихъ были поставлены въ камышахъ, у самаго Дуная, для наблюденія за судами, а нѣкоторые — на рѣкѣ Серетъ; самый-же важный постъ былъ на мосту, гдѣ каждого проходящаго унтеръ-офицеръ обыскивалъ и давалъ

проводатаго часового, который, все время слѣдованія по мосту, не долженъ былъ спускать съ него глазъ, чтобы проходящій не останавливался, не нагибался, не бросилъ-бы чего-нибудь. На первыхъ порахъ посты стояли тревожно, тревожа часто патрули преувеличенными донесеніями, но потомъ освоились и стали внимательно провѣрять себя прежде, чѣмъ донести. Остальная часть роты располагалась у самага моста, внизу насыпи, разставивъ палатки. Стоянка здѣсь была отличная: по нѣсколько разъ въ день купались и, въ свободное время, ловили рыбу несложными снастями, придуманными солдатами; рыбы здѣсь было такое множество, что мы часто готовили её въ общемъ котлѣ на ужинъ. Часто громыхали поѣзда мимо насъ, въ Браиловъ, проѣхала 2-я бригада наша, понтонные парки, крѣпостныя орудія, платформы, лафеты и проч., а 25-го числа отъ нашей роты были вызваны люди, для почетнаго караула, на случай проѣзда Государя Императора. Царскій поѣздъ прошелъ мимо насъ быстро; онъ былъ разукрашенъ цвѣтами и флагами; мы были выстроены внизу насыпи, взяли «на-краулъ», но никого не видали. Днемъ здѣсь была страшная жара, а ночи очень холодны; но за то, какъ хороши здѣсь эти ночи!..

Однако, густая масса комаровъ, какъ днемъ, такъ и ночью, не давала намъ покоя, что, единственно, отравляло нашу стоянку здѣсь. 1-го іюня, по одиночномъ ученіи, нашъ ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Грековъ вызвалъ тѣхъ, кто жилъ вблизи большихъ рѣкъ, кто умѣлъ плавать и грести весломъ; я вышелъ первый и за мной на-

бралось человекъ 15—20; онъ осматрѣлъ насъ и сказалъ, что скоро, можетъ быть, мы будемъ вызваны, такъ какъ переправу черезъ Дунай предполагается произвести командой охотниковъ; «вамъ первымъ придется вступить въ дѣло съ непріателемъ»,—прибавилъ онъ въ заключеніе. Мы очень были довольны, что попали въ число охотниковъ, мы гордились этимъ и весь остальной день только и толку было, во всей ротѣ про переправу охотниками...

Юня 7-го дня, 4-я рота 65-го Московскаго полка смѣнила нашу, 1-ю роту, у Барбошескаго моста, и мы опять прибыли въ Галацъ, гдѣ въ то время приготавливалось кое-что...

III.

Переправа.

Утромъ, 8-го іюня, вызвали всѣхъ гребцовъ-охотниковъ на середину полка, въ гимнастическихкихъ рубашкахъ; здѣсь приказали намъ отогнуть штыки отъ винтовокъ и ружья повѣсить черезъ плечо, на погонномъ ремнѣ; въ такомъ видѣ двинулись мы черезъ весь городъ, на пристань, гдѣ были собраны всѣ лодки; размѣстились гребцы по лодкамъ и, подъ командой маіора Каннабиха, у котораго былъ помощникомъ прапорщикъ Гвоздевъ, двинулись вверхъ по теченію Дуная, держась нашего берега, а на обратномъ пути проѣхали по камышамъ, въ серединѣ разлива, и изслѣдовали глубину дна. Очень понравилась намъ такая прогулка по водѣ, и никакой усталости не чувствовали мы, хотя все

время приходилось грести; съ воды былъ превосходный видъ на городъ и на крутые берега, чѣмъ мы и любовались, оживленно разговаривая о будущей переправѣ.

Послѣ обѣда, на такую-же прогулку отправилась другая партія и, возвратившись, поздно вечеромъ, на бивуакъ, привезла вѣсть, что на завтра назначена переправа... На другой день, съ ранняго утра, множество солдатъ толпилось вокругъ священника съ аналоемъ и со святыми дарами: исповѣдывались и причащались нѣкоторые, можетъ быть, въ послѣдній разъ... Послѣ обѣда пошла суета страшная: вѣсть о переправѣ была, дѣйствительно, получена; приказали сдать каптенармусамъ ранцы, а въ холщевыя сумы уложить только патроны, фуфайки и сухари, да еще дали по двухфунтовой порціи мяса; хотя вѣсть эта и небыла новая для насъ, потому что переправы давно ожидали со дня на день, но я видѣлъ, какъ нѣкоторые солдаты были поражены и, съ мертвенной блѣдностью на лицѣ, стали суетливо укладывать въ сумы то, что нужно было оставить въ ранцахъ, пока не отрезвило ихъ приказаніе строиться на линейкахъ. Появилось, наконецъ, на линейкахъ и начальство; сказали, что переправа будетъ ночью, что нужно соблюдать тишину и порядокъ, что насъ ожидаетъ слава; и тронулись мы, оставивъ бивуакъ не тронутымъ. 5-я и 11-я, а также 1-я, 2-я и 3-я стрѣлковыя роты двинулись на пристань, что была противъ лагеря, а всѣ остальные линейныя роты черезъ городъ, къ той пристани, гдѣ мы всегда садились, отправляясь на прогулки.

Толпа собралась около насъ, когда остановились мы на берегу; горожане шумно разговаривали на своемъ румынскомъ языкѣ и постоянно наводили бинокли на турецкій берегъ. Здѣсь стоялъ небольшой пароходъ и готовился принять насъ на свою палубу; на немъ проѣхали мы русло Дуная, а дальше, по разливу, на лодкахъ, достигли маленькаго островка, называемаго «Заклый», на которомъ одиноко стоялъ какой-то полуразвалившійся двухъ-этажный домикъ, крытый черепицей. Вотъ, на этомъ-то островкѣ, всѣ роты и высадились, чтобы ждать своей очереди къ переправѣ, такъ какъ лодокъ было ограниченное число. Наступила темнота, и солдаты, составивши ружья въ козлы, стояли и сидѣли возлѣ нихъ, не двигаясь съ мѣста; здѣсь такъ было тѣсно, что, какъ говорится, яблоку негдѣ было упасть; холодъ и комары давали себя знать, но помочь горю было нельзя... такъ какъ шинели остались на бивуакѣ, а огней не приказано было разводять, даже курить было нельзя... Нѣкоторые солдаты, а 1-я рота даже въ полномъ составѣ, очень удобно размѣстилась въ какой-то баржѣ, стоявшей на боку у берега: тамъ и курить было можно, и комаровъ меньше было, да и не такъ холодно было.

Въ то же самое время, наши стрѣлковыя роты и роты охотниковъ, сидя на лодкахъ, въ камышахъ, безъ малѣйшаго шума и движенія ожидали наступленія ночи. Съ турецкаго берега ихъ не было видно, но нужно было соблюдать величайшую осторожность, чтобы преждевременно не быть открытыми, такъ какъ здѣсь никакой

защиты отъ взоровъ, кромѣ камыша, не было; поэтому, запрещено было курить, разговаривать и, вообще, ни малѣйшаго звука не подавать. Ожиданіе было долгое и томительное, а отчасти и досадное: комары носились тучами надъ камышами и безнаказанно кусали нашихъ будущихъ героевъ... а герои эти, въ это время, сосредоточенно смотрѣли на быстро бѣгущую воду, на свои винтовки; чутко прислушиваясь, раздумывали о предстоящей работѣ и сердце каждаго замирало и не сходила молитва съ языка: «да будетъ воля Твоя!.. Господи!.. что-то будетъ?..»

Пришла пора Тихо двинулись лодки по знакомому пути въ камышахъ, обозначенному изрѣдка вѣхами; только и слышенъ былъ шелестъ камыша о борты лодокъ, да нечаянный всплескъ воды весломъ и сердитый шепотъ послѣ этого, упрекающій гребца за неловкость... Нескончаемо долго тянулось время; казалось, что камышамъ и конца не будетъ; нѣкоторыя лодки сбились съ дороги и нарушили первоначальный порядокъ: теперь разстоянія были неодинаковы и возстановить ихъ было нельзя, такъ какъ долго прокопались въ камышахъ, пока вытянулись опять на ту же дорогу.

Выбрались на чистый рукавъ Дуная, теченіе здѣсь сильнѣй и сразу подхватило лодки; гребцы сильнѣе налегли на весла; справились и пошли дальше, а солдаты стали тревожно всматриваться въ даль, по направленію берега, но въ темнотѣ ничего не было замѣтно, кромѣ нашихъ же лодокъ. Вдругъ, раздался выстрѣлъ, другой, третій... Что это?.. Неужто, открыты?—подумалъ каждый.

Однако, кажется, выстрѣлы были не близко. Но что это?.. Чу!.. «ура...» Это, навѣрное, наши пристали къ берегу! Скорѣй, скорѣй гребите!.. Солдаты дружныѣ, изо всѣхъ силъ налегли на весла. Выстрѣлы продолжались и пули стали ложиться вокругъ лодокъ; еще послѣднее усиліе и толкнулись на берегъ... Торопясь и перегоняя другъ друга, стали выскакивать солдаты изъ лодокъ и, не останавливаясь, группами, звѣньями, устремились впередъ, держа ружья на руку и съ крикомъ «ура...» Залпъ встрѣтилъ ихъ, но залпъ слабый; наши разглядѣли дымокъ изъ-за скаль и опять съ крикомъ «ура» бросились туда, прямо въ штыки...

Послышались стоны раненыхъ, но не до нихъ теперъ; мимо несутся, бѣгомъ, вновь высадившіеся, къ своимъ товарищамъ... Въ это время разсвѣло совсѣмъ и отчетливо стали видны скалы на высококомъ горномъ Буджакскомъ хребтѣ, который подымался въ этомъ мѣстѣ во ста шагахъ отъ берега; передовые залегли уже за ближайшими скалами и открыли стрѣльбу; къ нимъ присоединялись бѣгущіе отъ берега и съ каждой минутой все больше и больше усиливали цѣпь. Набралось довольно много; офицеры приказали идти впередъ; цѣпь поднялась и разомъ, съ крикомъ «ура», бросилась на верхнія скалы, гдѣ залегли турки... Турки не выдержали напора и стали отступать поспѣшно... Полковникъ Шелковниковъ приказалъ, не останавливаясь, идти по пятамъ и наши двинулись, не обращая вниманія на колючій кустарникъ, который рвалъ и одежду, и руки, и лицо; такъ,

карабкаясь на скалы и тяжело дыша. подвигались все впередъ и впередъ: уже скалы остались позади, уже миновали два перевала, а турки все отступаютъ и отступаютъ...

Наконецъ, они остановились, залегли въ высокомъ хлѣбѣ и затрещали своими магазинками. Наша цѣпь тоже остановилась и легла, отстрѣливаясь изрѣдка; зря не приказано было стрѣлять, а сберегать патроны; каждый выбиралъ себѣ цѣль вѣрную, хорошо видимую, или же стрѣляли на дымокъ: какъ выстрѣлить турка, дымокъ появится, такъ сейчасъ нашъ посылаетъ туда пулю; а когда замѣтилъ, что около него близко пули ложатся,—взялъ переползъ вправо или влѣво... Однако, по всему было видно, что турки стрѣляли не цѣлясь, а такъ, зря: пули больше перелѣтали черезъ головы; а можетъ быть, они думали, что позади насъ резервы есть?... Можетъ быть, туда они стрѣляли? Но у насъ резерва никакого не было, и это каждому солдату было извѣстно, а потому и береглись такъ въ стрѣльбѣ; только горе было нашимъ съ винтовками Крынка: надо было ударить разъ 6 затворомъ, чтобы выбросило пустую гильзу...

Лежать себѣ и пострѣливаютъ турки, видимо ободрились, а можетъ быть, и резервы подошли къ нимъ. Тѣмъ временемъ, цѣпь Рязанцевъ и наша пришла въ совершенный порядокъ и ждала только приказанія. Командиръ полка приказалъ наступать; офицеры скомандовали и стали переползать; перебѣгали солдаты понемногу: нельзя было головы даже поднять, какъ пули уже свистали кругомъ... Однако, по звѣну, по звѣну,—

все-таки перебѣгали и значительно приблизились къ туркамъ; тѣ, предполагая ударъ въ штыки, стали отступать, а наши погнали ихъ, открывъ частую стрѣльбу. Опять залегли они въ хлѣбѣ, спустившись съ перевала. Теперь, позади ихъ, на значительномъ разстояніи, виднѣлся хребетъ Буджака, а вправо—деревня, позади которой виднѣлась турецкая колонна и рукавъ Дуная. «Вотъ-бы теперь изъ орудія хватить въ нихъ»,—каждый подумалъ про себя, какъ только увидалъ эту колонну. Но артиллерія еще не показывалась. Плоты, которые были подъ орудіями, лошадыми и зарядными ящиками, предназначенные идти тоже въ извѣстномъ порядкѣ, заблудились въ ночной темнотѣ, сбившись съ дороги, и попали на мель, откуда не могли выбраться безъ посторонней помощи. Одному орудію, однако, удалось выбраться и оно достигло берега, а здѣсь уже казаки-гребцы и артиллеристы, слыша усиленную перестрѣлку, на плечахъ своихъ стали вытаскивать пушку и, послѣ неимовѣрныхъ усилий, втащили ея на возвышенность, съ которой тоже видна была деревня и колонна турецкая позади ея. Молодцы-артиллеристы, горя желаніемъ помочь своимъ, навели орудіе въ эту колонну и раздался выстрѣлъ... Звонко перекатываясь сотни разъ, раздался этотъ выстрѣлъ нашего перваго орудія на турецкомъ берегу; но дымъ не расходился и мѣшалъ видѣть паденіе снаряда... Прибѣжалъ изъ цѣпи запыхавшійся солдатъ отъ маюра Каннабиха: приказали сказать, что перелетъ. Опять навели. «Пли»!... и черезъ нѣсколько мгновеній послышалось изъ

цѣпи дружное «ура»,—это было отвѣтомъ на удачный выстрѣлъ изъ орудія; и дѣйствительно, какъ только разсѣялся дымъ, стало видно, что колонна повернула назадъ, въ разсыпную и втягивалась въ горное ущелье, оставивъ на мѣстѣ, гдѣ стояла, раненыхъ и убитыхъ, около которыхъ столпились теперь люди и фуры... Восторгу нашихъ въ цѣпи не было границъ! Какъ по командѣ, поднялись всѣ разомъ и, съ крикомъ «ура», бросились въ штыки; но турки не допустили и стали поспѣшно отступать, щелкая на ходу изъ своихъ магазинокъ... Во время этого побѣднаго наступленія нашей цѣпи, прапорщикъ Васильевъ коротко вскрикнулъ и ухватился за животъ: лицо его покрылось мертвенной блѣдностью и исказилось страданіемъ; онъ былъ смертельно раненъ въ животъ... Солдаты, было, бросились къ нему на помощь, но онъ, тихо опустившись на землю, приказалъ имъ идти впередъ, за цѣпью, говоря, что теперь ему ничего не нужно, что онъ умретъ скоро... И дѣйствительно, раненый сталъ жестоко мучиться и, въ безпамятствѣ уже, сталъ выбрасывать солдатамъ деньги изъ своихъ кармановъ, поощряя ихъ идти впередъ и отомстить за него туркамъ и скоро умеръ въ страшныхъ мученіяхъ... Въ другомъ концѣ цѣпи, на правомъ флангѣ, прапорщикъ Никольскій, съ однимъ звѣномъ цѣпи, увлекшись преслѣдованіемъ бѣгущихъ турокъ, отдѣлился далеко впередъ отъ своихъ и скрылся изъ глазъ цѣпи въ густомъ хлѣбѣ; скоро онъ былъ окруженъ, понявшими его ошибку, турками, которые, не смотря на отчаянное сопротивленіе его и людей звѣна, пе-

рекололи ихъ штыками, а подоспѣвшими въ то время башибузукѣми прапорщикъ Никольскій былъ изрубленъ въ куски. Такъ погибъ этотъ герой и звѣно цѣпи, не хотѣвшее оставить своего начальника одного...

Отступали турки быстро, оставляя на своей позиціи ружья, аммуницію, массу патроновъ, а также множество убитыхъ. Наши преслѣдовали ихъ до входа въ горное ущелье, куда потянулася ихъ колонна; не имѣя ни одного человѣка въ резервѣ, не имѣя кавалеріи, которая оберегала бы наши фланги, опасно было втягиваться вслѣдъ за турками, изъ боязни быть отрѣзанными отъ пути отступленія; да и пути-то этого, по правдѣ, не было, такъ какъ позади насъ былъ Дунай,—наша общая могила, если бы турки опрокинули насъ...

Командиръ полка приказалъ играть «отбой» и стали стягиваться роты въ одну общую колонну, которая и стала на этой возвышенности, откуда послѣдній разъ повели наступленіе наши; составивши ружья, стали осматриваться, считать людей, и тутъ только увидали, что и для нашихъ бой этотъ не обошелся безъ потерь.

Тѣмъ временемъ, выслали роту въ сторожевую цѣпь, которая, совмѣстно съ цѣпью Рязанскаго полка, заняла подошву Буджакскаго хребта. Было слѣдано распоряженіе, чтобы собрать тѣла нашихъ убитыхъ и раненыхъ на перевязочный пунктъ, который, въ сторонкѣ отъ колонны, открылъ уже свои дѣйствія. Въ ротахъ же люди оправлялись, снявши аммуницію и мундиры, охорашивались, лежали на землѣ, закусывали,

молились Богу; собирались команды, чтобы идти на Дунай за водой, такъ какъ на бивуакъ воды и капли не было; но говору оживленнаго не было у солдатъ,—еще не успокоились...

Теперь посмотримъ, что дѣлали остальные роты нашего полка.

Въ томительномъ ожиданіи, не имѣя возможности даже сѣсть какъ слѣдуетъ, безъ огня, безъ шинелей, дрожа отъ холода, безъ курева,—въ строжайшей тишинѣ, провели ночь до перваго признака разсвѣта, съ которымъ все поднялись на ноги и стали напряженно всматриваться въ противоположный турецкій берегъ; но ничего еще не было видно тамъ, только масса Буджакскаго хребта неясно выступала на горизонтѣ. Но вотъ, какой-то острый глазъ примѣтилъ сверкавшіе огоньки, какъ-бы отъ выстрѣловъ, и опять все взоры устремлены были туда; дѣйствительно, можно теперь было видѣть огоньки, которые, на моментъ, появлялись то—часто, то—рѣдко, но звука, по дальности разстоянія, не было слышно. Сердце замерло у каждого. — «Началось!»... «Что-то Богъ дастъ!»... «Пошли имъ, Господи, побѣду!»...—молились въ умѣ солдатики, и глазъ не могли оторвать отъ того берега, гдѣ въ то время умирали люди...

Разсвѣтъ развернулся уже въ бѣлый день и поднялось солнце, но на томъ берегу ничего не стало видно: легкій туманъ застилалъ всю картину. Намъ никакихъ вѣстей, никакихъ приказаній не посылали:—«Господи, что-то тамъ теперь дѣлается?»... Стали приближаться отъ турецкаго берега какія-то лодки, все ближе и ближе,

и вотъ—одна у самага берега нашего; солдаты такъ и шарахнулись въ сторону: въ лодкѣ, кромѣ гребцовъ, сидѣло трое солдатъ съ блѣдными лицами и съ руками на перевязяхъ, или ногами, перѣхваченными кое-какими тряпками, сквозь которыя сочилась свѣжая, алая кровь... Первый разъ солдаты видѣли раненыхъ, первый разъ, глядя на нихъ, убѣдились, что тамъ, гдѣ-то впереди, творится что-то важное, что-то такое, что заставляетъ позабыть о самомъ себѣ и вмѣстѣ со всѣми дѣлать это важное дѣло... Спрашиваютъ: «куда раненыхъ дѣть?... Не здѣсь-ли перевязочный пунктъ?»... Не знаемъ, что и отвѣчать; смущены всѣ... Наконецъ, шт.-капитанъ Грековъ направляетъ ихъ въ Галацъ и всѣ остальные лодки потянулись за первой. Стали прибывать и порожнія лодки и въ нихъ тотчасъ же садились солдаты и отчаливали; такимъ образомъ, къ 7-ми часамъ утра только убавилось отсюда двѣ роты: 9-я и 10-я, а остальнымъ еще долго дожидаться своей очереди.

Подѣхали казаки и докладываютъ маіору Шанявскому, что плоты съ лошадьми и орудіями застряли въ камышахъ,—просятъ людей на помощь. «Гребцы впередъ, въ лодки!»—скомандовалъ нашъ ротный на распоряженія маіора Шанявскаго. Я бросился впередъ вмѣстѣ съ другими и въ моментъ очутился въ лодкѣ. «Все скорѣе буду тамъ...» — думалъ я, укладывая на дно свою винтовку, — «лучше поработаю въ общую пользу, чѣмъ безъ дѣла стоять буду здѣсь...» Тронулись въ камыши и скоро отыскивали бревенчатый плотъ, на которомъ стояли 6 лошадей и

ѣздовые; взяли ляжки и, налегши на весла, скоро вытянули плотъ на настоящую дорогу; но ходчѣе, все-таки, идти было нельзя, такъ какъ дорога въ камышахъ была для плотовъ узкая; подвигались съ плотомъ такъ медленно, что къ полудню только достигли половиннаго разстоянія. Множество лодокъ прошло мимо насъ туда и обратно, нѣкоторыя были съ ранеными, — эти послѣдніе передавали намъ, наскоро, о ходѣ дѣла, что сами видѣли и знали; говорили, что турки пошли на утекъ отъ нашихъ, а наши теперь далеко отъ берега; теперь, можетъ быть, все уже кончилось, — прибавляли они. «Слава Богу!» — снимали мы шапки и крестились...

Гребемъ опять, гребемъ безъ устали; мозоли на рукахъ уже прорвались, — боль невыносимая, но отдыхать времени нѣтъ: надо спѣшить. Наконецъ, выбрались на чистый рукавъ Дуная, откуда открывался весь турецкій берегъ до самаго низу, до воды; но широкій былъ Дунай; большое еще разстояніе отдѣляло насъ отъ берега, да и теченіе быстрое подхватило плотъ и лодку, — едва справились: чуть-было не опрокинулъ насъ тяжелый плотъ, когда его теченіемъ понесло внизъ; справились кое-какъ, и всѣ свободно вздохнули, — жизнь висѣла на волоскѣ... Намѣтили себѣ мѣсто, гдѣ пристать; но нѣтъ не, совладали; далеко отнесло насъ; да когда, наконецъ, и пристали къ берегу, большихъ трудовъ стоило удержать грузный плотъ: рѣка была глубокая и ни одинъ шесть не могъ достать дна. Пристали и стали выводить лошадей; ѣздовые

тотчасъ, на рысяхъ двинулись впередъ: ихъ давно ожидали на берегу провожатые; а мы, гребцы, отъ усталости и изнеможенія, повалились на землю отдыхать. Было уже 8 часовъ вечера и всѣ остальные роты съ острова «Заклаго» начали прибывать одна за другой и, выстроившись, поспѣшно уходили впередъ, на позицію, ведомыя провожатыми, высланными сюда для этой цѣли. Самымъ послѣднимъ прибылъ на берегъ 1-й баталіонъ нашъ и 1-й баталіонъ Рязанскаго полка. Наступила темнота и очертанія скалъ едва выдѣлялись; на берегу провожатыхъ не было видно; куда идти — никто не зналъ, а ночь ужъ наступила полная. Рѣшили остаться здѣсь, на берегу, до разсвѣта; выставили пикеты, на всякій случай, и назначили патрули; остальные люди, составя ружья и лежа около своихъ козелъ, стали закусывать. Пошли разговоры про то, что слышно было за день; говорили, какъ прапорщика Васильева убили, какъ онъ мучился, умирая; говорили, какъ прапорщика Никольскаго изрубили въ куски баши-бузуки; что: «бѣда остаться въ полѣ раненымъ: сейчасъ баши-бузуки мучить начнутъ..» «Да и многихъ нынче тамъ замучили...» — прибавляли со вздохами солдаты; словомъ, рассказамъ не было конца. Въ сторонѣ разожгли костеръ и всѣ офицеры, рязанцы и наши, собрались вокругъ его, а потомъ, одинъ по одному, и множество солдатъ присоединилось сюда же и стали слушать, что говорилось, а говорилось, разумѣется, и здѣсь о томъ-же, только съ еще большими подробностями. Такъ и просидѣли здѣсь, незамѣтно, всю ночь безъ сна.

Едва занялась заря, какъ солдаты поднялись на ноги и начали охорашиваться и умываться; мнѣ захотѣлось посмотрѣть поближе на то мѣсто, гдѣ скрывались турки; не успѣлъ я пройти и нѣсколько шаговъ, какъ наткнулся на трупъ нашего солдата: пуля пробила ему лобъ и все синѣлое лицо его было въ крови... На землѣ валялось множество клапановъ отъ патронныхъ сумокъ, кои прикрываютъ патроны въ сумкѣ сейчасъ же подъ верхней крышкѣ; видно было, что они представляли большое неудобство при доставаніи патроновъ, и ихъ, въ поспѣшности и съ досадою, вырывали тѣ, кои были лицомъ къ лицу со смертью... Нѣкоторые солдаты здѣсь подбирали ихъ: это были запасные усачи, которые ворчали себѣ подъ носъ, что все это годится еще на починку сапогъ...

На скалахъ попадались какіе-то колючіе кусты, на которыхъ висѣли клочья солдатской одежды; кое-гдѣ попадались винтовки и разныя принадлежности аммуниціи, но никто ихъ не собиралъ, никому они не нужны были. Возвращаясь назадъ, къ своимъ, я увидалъ, что священникъ отпѣвалъ нашихъ убитыхъ солдатъ, для которыхъ была вырыта общая могила, здѣсь же, на самомъ берегу Дуная. Двинулись мы прямо черезъ скалистый хребетъ и наткнулись на дорогу, по которой и шли до самой почти позиціи; дальше пошли уже не столь крутые перевалы и скалъ не было, а, напротивъ, высокій ячмень и пшеница попадались на дорогѣ; но въ какомъ жалкомъ видѣ! Хлѣбъ былъ, мѣстами, страшно помятъ и затоптанъ; попадались въ немъ трупы

нашихъ и турецкихъ солдатъ, аммуниція, патроны; при нашемъ приближеніи, воронье, сидѣвшее на трупахъ, и не думало улетать, а только недалеко отпрыгивало, отяжелѣвъ отъ обильной добычи... Недалеко отъ позиціи, влѣво отъ нашего пути, мы увидали одну горку, которая, буквально, усѣяна была трупами... Позиціи достигли мы часовъ въ 8 утра. Разобравшись и отдохнувъ немного, солдаты толпами отправились осматривать мѣстность, гдѣ окончился вчерашній бой; тамъ, гдѣ лежали еще неприбранные турецкіе трупы, ячень былъ совсѣмъ вытоптаны. Солдаты, переходя отъ одного къ другому, дѣлали свои замѣчанія; удивились солдаты, что на трупахъ никакой одежды не было, кромѣ рубахъ:— «Кто-же это—солдатъ или нѣтъ?..»—спрашивали другъ друга.— «Никакъ не узнать. Да кто-же ихъ пораздѣвалъ-то..? Это братушки ихъ такъ-то обкарнали», — догадались солдаты; — «они теперь рады хоть что-нибудь содрать съ нихъ: не любить больно...» Въ числѣ турецкихъ труповъ были замѣчательно рослые и черные солдаты, говорили, что ихъ изъ Египта привезли. На многихъ тѣлахъ было видно по нѣсколько запекшихся ранъ. Я возвратился обратно къ бивуаку, когда обратилъ вниманіе на большую кучу солдатъ, стоявшихъ около кургана; подхожу и вижу: штабсъ-капитанъ Васильевъ,—родной братъ убитаго прапорщика Васильева, сидитъ на землѣ и дрожащими руками рѣжетъ ножичкомъ пулю, стараясь написать какія-то буквы, а возлѣ него солдаты его роты плели вѣнки для нашихъ убитыхъ офицеровъ, какъ сейчасъ-же я узналъ.

Слёзы, да дрожащія руки тормозили работу штаб-кап. Васильева: я предложилъ ему свои услуги; онъ очень обрадовался, сейчасъ-же, узнавъ меня, и рассказалъ, что желаетъ положить въ могилу брата и Никольскаго пули, на сторонахъ которыхъ было-бы написано: годъ, мѣсяцъ и число, а также полкъ и начальныя буквы ихъ именъ и фамилій; я принялся за работу и скоро ножомъ написалъ все требуемое. Позади кургана, гдѣ мы сидѣли, на носилкахъ были положены тѣла нашихъ офицеровъ и покрыты шинелями; всѣ же остальные убитые были собраны у перевязочнаго пункта, гдѣ теперь шла дѣятельная работа нашихъ врачей и фельдшеровъ: осматривали и перевязывали раненыхъ вновь. Въ числѣ труповъ нашихъ солдатъ я обратилъ вниманіе на одинъ, который лежалъ ничкомъ: на спинѣ его было два крестообразныхъ разсѣка отъ паха до плеча и отъ плеча до паха; ударъ былъ очень сильный: въ каждомъ разсѣкѣ видны были надрубленныя ребра; въ общемъ, разсѣкъ напоминалъ римскую цифру X—число переправы.

Въ это же утро стали рыть общую братскую могилу, позади того кургана, гдѣ лежали убитые офицеры, а часовъ въ 9 собрались оба полка на погребеніе и панихиду по убиеннымъ воинамъ. Молились на колѣняхъ, со слёзами на глазахъ; молились за тѣхъ, чьи плечи вынесли побѣду и увеличили славу нашихъ полковъ!..

Къ вечеру этого дня (11 іюня), привезли ротные котлы и устроили очаги на Дунаѣ, какъ разъ противъ г. Рени, такъ что до кухни было версты 4. Только что возвратились на бивуакъ

съ обѣда, вдругъ, распространилась вѣсть, что Государь Императоръ ѣдетъ къ намъ на позицію; все пришли въ такой восторгъ, что съ криками «ура» бросились на дорогу, но были остановлены извѣстіемъ, что произошла ошибка: прибылъ посланный Государя, флигель-адъютантъ, графъ Толстой. Послѣ его отъѣзда, намъ стало извѣстно, что Государь находится въ Галацѣ, былъ въ госпиталь у нашихъ раненыхъ и собственноручно награждалъ ихъ крестами, а намъ кресты были опредѣлены по пяти на роту участниковъ и присланы съ графомъ Толстымъ. Началось присужденіе крестовъ у участниковъ; пошелъ оживленный говоръ на бивуакъ; виднѣлись радостныя лица и весь вечеръ просидѣли у костровъ за разговорами о впечатлѣніяхъ дня и воспоминаніяхъ о переправѣ.

IV.

Отъ Мачина до Черноводъ.

Утромъ, 12-го іюня, отрядъ нашъ снялся съ бивуака и направился въ г. Мачинъ; по дорогѣ до деревни Жижила мы опять встрѣчали брошенное оружіе, аммуницію и въ большомъ количествѣ патроны турецкіе, которые попадались цѣлыми ящиками; при входѣ въ Жижилу, насъ встрѣтили болгары со священникомъ во главѣ, который былъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ; болгары же несли хоругви и образа, къ которымъ солдаты стали прикладываться. Жители, повидимому, были рады приходу нашему, и въ доказательство ненависти къ

туркамъ, съ угрозой показывали кулаки въ ту сторону, куда, отступая, скрылись турки... Минувъ долину, втянулись въ ущелье Буджакскаго хребта; здѣсь начались довольно крутые подъемы и спуски, поросшіе листовнымъ лѣсомъ; приближаясь къ городу, мы наткнулись на посты сторожевой цѣпи отъ полковъ 17-й дивизіи, а при входѣ въ городъ были встрѣчены опять священникомъ съ хоругвями и образами и толпою болгаръ.

Городъ Мачинъ оказался почти безлюднымъ, дома были съ выбитыми стеклами, лавки съ поломанными и оторванными дверями; кучи разнаго хлама валялись по улицамъ; словомъ, — городъ казался брошеннымъ и унылымъ. Въ виду того, что съ нами не было еще походныхъ палатокъ, полкъ размѣстили въ городѣ, къ чему никакихъ препятствій не было: дома были все пусты. Наша рота помѣстилась очень удобно въ мечети, гдѣ, на полу и на дворѣ, и вокругъ нея, валялось множество разорванныхъ книгъ на турецкомъ языкѣ; сперва солдаты съ любопытствомъ разсматривали все это, а потомъ книги, вмѣстѣ съ деревомъ, какое попадалось подъ руку, несли къ своимъ очагамъ, на которыхъ теперь кипятилась вода для чая.

Среди хозяйственныхъ нашихъ приготовленій, вдругъ раздался трескъ барабана; мы прислушались и стали торопливо одѣваться; били тревогу; когда мы выстроились на узенькой улицѣ, то увидали массу дыма въ одномъ концѣ города и бѣгущія вонъ изъ города роты. Распространился слухъ, — и откуда только онъ взялся? —

что турки нарочно подожгли городъ и хотѣтъ взорвать насъ на воздухъ... Это быстро передавалось изъ устъ въ уста, и тревожное настроеніе людей увеличивалось и возрастало съ каждой минутой... Съ трудомъ выбрались мы изъ узенькихъ улицъ на южную сторону города, гдѣ былъ бивуакъ Бородинскаго полка, и вздохнули свободно, завидуя палаткамъ бородинцевъ; наши палатки, ранцы и шинели находились еще въ Галацѣ. Отвели намъ мѣсто для бивуака, назначили рабочихъ тушить пожаръ, а остальные люди стали кое-какъ устраиваться, что было довольно трудно, такъ какъ ничего близко не было; однако, люди, возвратившіеся съ пожара, принесли съ собой кое-чего для устройства: появились циновки, доски, оторванные двери; въ карманахъ—табакъ, глиняныя трубки и прочее.

Отъ 1-го баталіона назначена была дежурная часть и 1-й ротѣ приказано занять сторожевые посты у подножія Буджакскаго хребта, куда мы и отправились въ 6 часовъ вечера. 13-го іюня 2-я рота смѣнила насъ, а мы пошли на обѣдъ. Кухни наши были на берегу Дуная; по приходѣ туда, мы были обрадованы извѣстіемъ, что прибылъ пароходъ съ нашими вещами и, дѣйствительно, мы получили и палатки, и шинели, и ранцы. Здѣсь мы были свидѣтелями того, какъ казаки переходили Дунай вплавъ: имѣя все свое добро привязаннымъ на спинахъ, они въ разсыпную, громко поощряя своихъ измученныхъ лошадей, плыли къ намъ, и при нашихъ радостныхъ крикахъ вышли на берегъ. Весь слѣдующій день была суета на пароходной пристани:

прибыль обозъ нашей бригады и казаки; говорятъ, что скоро переправится и вторая наша бригада. Городъ Мачинъ сталъ оживленнѣе; на пароходахъ изъ Браилова постоянно прибываютъ сюда румыны и открываютъ лавки, кабаки и кофейни, занимая по произволу любое мѣсто, любой домъ; прибыла и наша 2-я бригада.

Юня 17-го, здѣсь такой былъ проливной дождь, какого я въ жизнь не видывалъ: въ одну минуту нитки сухой на насъ не оставалось! Появился откуда-то слухъ, что переправа 11-й дивизіи не удалась, что наши отброшены назадъ съ урономъ 800 человекъ... Прибыла наша артиллерія и заняла свое мѣсто на бивуакѣ. Приѣзжалъ на бивуакъ нашъ начальникъ дивизіи, генераль-лейтенантъ Нарбутъ и благодарилъ 1-ю бригаду нашу за молодецкую переправу, а вызванныхъ георгіевскихъ кавалеровъ цѣловалъ и еще благодарилъ особо.

Вода на Дунаѣ стала спадать; приступили къ исправленію дороги изъ Мачина въ Браиловъ, для чего ежедневно назначалось много рабочихъ отъ ротъ.

По прибытіи къ намъ нашихъ полковыхъ знаменъ, командиръ полка устроилъ праздникъ для георгіевскихъ кавалеровъ: собравши ихъ, онъ вновь поздравлялъ, а музыка играла «тушь»; а потомъ и всѣмъ удовольствіе большое доставилъ, разрѣшивъ музыкѣ играть до поздняго вечера; мы давно ужъ не слышали ея.

Время для людей проходило въ работѣ и отдыхѣ; но все-таки ужасно надоѣло стоять на

одномъ мѣстѣ: хотѣлось впередъ идти и извѣдать настоящей боевой жизни.

21-го іюня выступилъ Рязанскій полкъ, а на 22-е число было назначено и наше выступленіе, но куда—неизвѣстно было. Выступили мы, когда солнце было уже высоко, вѣтру ни малѣйшаго не было, такъ что пекло ужасно; отсюда и давно желанный походъ показался очень тяжкимъ; даже, какъ-будто, и привычки къ походамъ не было: прошедши верстъ 5, многіе стали падать отъ изнеможенія. Къ привалу подтянулись и, отдохнувши немного, опять полезли въ ранцы, чтобы выбросить чтонибудь; и дѣйствительно выбрасывали, но больше всего сухари, которыхъ было дано на пять дней. Когда тронулись съ привала, число отсталыхъ увеличилось, а лазаретные фургоны были биткомъ набиты больными; дотащились кое-какъ до ночлега, расположившись бивуакомъ недалеко отъ берега Дуная и отъ деревни Туркойя; сняли ранцы—и усталости какъ не бывало; сталъ бивуакъ копошиться и устраиваться; пошли собирать дрова, бурьянъ, принесли воды и стали готовить себѣ чай. Чай на бивуакахъ доставлялъ намъ большое утѣшеніе и удовольствіе: какъ выпьешь манерку горяченькаго кипяточку, такъ, какъ будто, и оживешь; пойдутъ разговоры, смѣхъ и веселія шуточки, а безъ горяченькаго ничто тебѣ на умъ нейдетъ: не до того; послѣ же чаю, до обѣда, отдыхали; а обѣдъ-то, куда-какъ, не скоро поспѣвалъ; обозъ, вѣдь, идетъ позади,—когда-то онъ прибудетъ, когда-то выроятъ очаги, когда-то заварятъ,—такъ что обѣ-

дать приходилось поздно вечеромъ, а въ большинствѣ случаевъ,—ночью. Въ Галацѣ когда стояли, такъ даже не знали, какъ это въ манеркахъ варить чай: всё, бывало, искали трактировъ, да чайныхъ лавокъ, а какъ перешли Дунай, такъ сразу научились, и теперь считали это дѣло самимъ легкимъ, да пріятнымъ и любимымъ: наберешь манерку воды, выроешь ямку, или, лучше сказать, канавку, надъ ней поставишь манерку, а внизу подкладываешь топлива—бурьяну, сухого дерева, которое въ щепы раскалывали тесаками,—и огонь весело трещить, а ты, себѣ, сидишь, да табачекъ покуриваешь,—ожидаешь, когда вода закипитъ; а готова она,—заваривай чай обыкновеннымъ порядкомъ и накрывай крышкой, чтобы упрѣлъ хорошенько,—вотъ и готово. Пили же чай разно: кто—изъ крышки манерочной, черная ея чай, какъ ложкой, а кто—изъ стакановъ, которые солдаты сами себѣ приготавливали изъ бутылокъ,—тоже способъ довольно простой и оригинальный: держать бутылку двое, и на неё закидываютъ тонкую веревочку кругомъ и концы держатъ въ свободныхъ рукахъ, потомъ начинаютъ концы тащить то—тотъ, то—другой, на манеръ пилы, и верёвочка нагрѣваетъ стекло по одной линіи; когда эта черта достаточно нагрѣется, плюнетъ солдатъ въ это мѣсто—и стаканъ готовъ: горлышко отдѣлилось ровно и хорошо; эти стаканы носились въ ранцахъ и очень береглись солдатами, такъ какъ бутылку трудно было достать. Гдѣ варили чай, тамъ его и пили: у костровъ собирались любители и, за острымъ разговоромъ, да за шутками,

полоскали себѣ животы кипяточкомъ,—это время самое любимое было у солдатъ...

Къ ночи собралась страшная гроза и разразилась надъ нашимъ бивуакомъ; молнія до того ярко сверкала, что глазамъ больно было отъ нея; вѣтеръ поминутно срывалъ наши палатки и дождь промочилъ наше имущество насквозь; такъ почти всю ночь и провозились безъ сна, выскакивая часто изъ-подъ полотна забивать колышки и надѣвать на нихъ палаточныя петли. Рано утромъ, часу во 2-мъ, мы двинулись и легко пошли до восхода солнца; но когда оно взошло и поднялось—жара наступила страшная и утомленіе начало одолаживать насъ: ноги подкашиваются и рапонецъ, какъ-будто, все глубже садится на плечи; привала не давали долго: хотѣли еще воспользоваться раннимъ часомъ, но люди начали падать и полкъ остановился на трехчасовой отдыхъ. Когда тронулись съ этого привала вновь, то два случая смертельныхъ было: умерли отъ удара. По пути, въ одной деревнѣ, болгары, съ образами и хоругвями, встрѣтили насъ со священникомъ во главѣ. Расположившись бивуакомъ близъ деревни Острова. На утро, 24-го іюня, въ день нашего полкового праздника, нашъ бригадный командиръ, генераль-маіоръ Жуковъ, передъ выступленіемъ, подѣхалъ къ нашему фронту и поздравилъ насъ съ днемъ праздника полка, прибавивъ, что мы его отпразднуемъ дня два-три. Во время этого перехода, насъ значительно облегчила прохлада съ Дуная, по берегу котораго мы шли, и расположившись бивуакомъ около деревни Донны, деревня эта была населенная и сол-

даты могли раздобыться кое-какой провизіей. Слѣдующій переходъ до деревни Сарай мы шли въ арріергардѣ, за обозомъ, который часто оставался по трудности пути, а мы имѣли случай часто отдыхать, такъ что утомленія никакого не чувствовали.

Бивуакъ кипѣлъ уже жизнью, когда мы заняли свое мѣсто на немъ; деревня Сарай оказалась пустынно и раззорена, только и остались въ ней однѣ голодные собаки, да нѣсколько куръ, за которыми теперь охотились деньщики. Отдохнувши, наша рота заступила на аванпосты; мнѣ пришлось быть на заставѣ, гдѣ я имѣлъ случай выпить стаканъ краснаго вина, предложенный мнѣ прапорщикомъ Васильевымъ.

На другой день, 26-го іюня, мы достигли дер. Маслуешти, гдѣ и расположились бивуакомъ; но только что успѣли мы разогрѣть себѣ чай, какъ началась опять сильнѣйшая гроза: молнія опять, поминутно, стала сверкать; у насъ, на родинѣ, такъ никогда не бываетъ; удары грома раздавались почти непрерывно, а вскорѣ и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Не обращая вниманія, мы, было, залегли въ своихъ палаткахъ, укутавшись шинелями, и хотѣли вздремнуть, но порывы сильнѣйшаго вѣтра скоро сорвали палатку; и стали опять копошиться около нея солдаты, натягивая ее на колья и громко переругиваясь. Такъ застала насъ темная ночь, а съ ней и вода пошла въ палатку, такъ какъ бивуакъ стоялъ на покатомъ мѣстѣ; это еще больше осложнило наше положеніе, заставило всѣхъ встать, собрать всѣ ранцы вокругъ средняго кола палатки и сѣсть

на нихъ; но такое положеніе было мучительно: спина начала болѣть и ноги коченѣть, продуваемые вѣтромъ. Принесъ солдатикъ изъ деревни какой-то гнилой соломы, подстелили ее и опять легли, думая заснуть; но нѣтъ; не пришлось спать до самаго утра: палатку поминутно сбрасывало, громъ и молнія не унимались. Едва занялась заря, бросились къ своимъ очагамъ и стали наскоро сушиться и приготавливать себѣ чай; обѣдъ въ это время былъ уже готовъ и скоро мы принялись за него, а потомъ и двинулись дальше. Дождь пересталъ, но солнце не показывалось, такъ, что даже холодно было. Прошли верстъ 8—10 и расположились бивуакомъ у деревни Вупуджикіой и начали грѣть чай.

Вдругъ: «1-я рота въ ружье!». Засуетились, стали одѣваться, но изъ манерокъ горячаго чаю не выбросили, а каждый взялъ её въ свободную руку и, такимъ образомъ, пошли.— «Куда идемъ!»—спрашивали другъ друга солдаты; но никто отвѣта не могъ дать; только шутки слышны были: «Куда?.. Извѣстно, куда!.. Вотъ, найдемъ хорошее, прохладное мѣстечко и остановимся пить чай, а то, тамъ, на бивуакъ-то, тово--воняеть...» Оказалось, что весь баталіонъ нашъ назначенъ былъ дежурнымъ: 1-я рота — въ сторожевую цѣпь, а остальные — въ резервъ; къ ночи, хотя 1-я рота смѣнилась и ушла въ резервъ, но отъ того лучше не было, такъ какъ было очень холодно и сыро отъ поднявшагося тумана.

Утромъ, 27-го іюня, на походѣ присоединились къ полку и двинулись на деревню Сатыскіой, по ровной дорогѣ, безъ спусковъ и подъе-

мовъ, и прошли этотъ переходъ очень легко, чему способствовалъ и пасмурный день. Здѣсь, въ рѣчкѣ, мы нашли очень хорошую воду и вознаградили себя за недостатокъ ея въ предшествующіе дни, такъ какъ въ колодцахъ здѣшнихъ вода отвратительная, солёная.

30-го іюня двинулись въ походъ очень рано и по холодку, пройдя довольно значительное разстояніе, остановились отдохнуть въ небольшой котловинѣ; но ружей почему-то не приказано было составлять; мѣстность впереди для насъ была закрыта, а были видны только передовые казачьи разъѣзды, которые, видимо, замѣтивъ что-то, не стояли спокойно: одни маячили, а другіе скакали въ разныхъ направленіяхъ, должно быть, съ донесеніями. Скоро замѣтно стало движеніе во всемъ отрядѣ: вызывали стрѣлковые роты передъ баталіоны и, громыхая колесами, выѣхали на рысяхъ четыре орудія... «Да будетъ Его святая воля!..»—начали креститься солдаты. Двинулись впередъ, вышли на гору, но ничего новаго не увидали; видно было только, что весь отрядъ развернулся въ боевой порядокъ. Раздался орудійный выстрѣлъ. «Началось! . Пошло дѣло! .»—слышалось кругомъ и опять начали креститься... Шагъ невольно прибавили и, съ каждой минутой, ожидали чего-то; но, опять ничего; только идемъ все дальше и дальше; вотъ, открылась деревня Гилалы; видно было, какъ казацкіе разъѣзды оцѣнили её и осматривали; полкъ остановился въ ожиданіи; но скоро донесли, что деревня пустая, не занята; вызвали жалонеровъ и двинулись къ ней. Деревня была чистенькая, даже хоро-

шенъкіе домики видны были въ ней и мечеть: деревня была татарская; она была пуста и только куры бродили въ ней, ожидая опять деньчиковъ. Здѣсь мы расположились бивуакомъ и занялись своимъ хозяйствомъ, позабывая про близость непріятеля. Рано утромъ, 1-го іюля, тронулись мы, опять въ боевомъ порядкѣ, по направленію къ городу Меджидіе и, по мѣрѣ приближенія къ нему, стали замѣчать, по боковымъ дорогамъ, движеніе нашихъ войскъ, которыя тоже направлялись къ городу. «Откуда это они: кажись, нигдѣ никого не было видно, а теперь вотъ, на, поди!..»—дивились этому солдаты. Вправо отъ насъ открылся большой курганъ и на немъ укрѣпленіе; но тамъ, видимо, никого уже не было: казакъ взобрался туда и спокойно наблюдалъ. Наконецъ, послышалась команда, а вслѣдъ за ней, карьеромъ, вынеслись орудія и—бумъ!... бумъ!... Опять сердце ёкнуло и опять солдатъ полезъ за шапкой и сталъ набожно креститься.. Въ это же время, на лѣвомъ флангѣ, 2-я бригада наша и 17-я дивизія значительно подвинулась впередъ и открыли тоже огонь — и пошла потѣха.. «Вотъ, когда началось-то!»—думаю я.—«Ну, что-то будетъ!»... и сейчасъ-же мысли перенесъ къ ранцу: «что будетъ... Вотъ, если бы его не было, было бы хорошо, можно бы, дѣйствительно, колоть, а то, съ нимъ бѣда: толкни кто-нибудь нечаянно и то—полетишь съ ногъ»... Какъ бы въ отвѣтъ на это желаніе, насъ повернули лѣвымъ плечемъ и, спустивши въ лощину, остановили. «Ранцы долой!»—послышалась команда.—«Слава Тебѣ, Господи!... Ну, теперь держись турка,

теперь мы тебѣ покажемъ!»—говорили солдаты, снимая противные ранцы и укладывая ихъ вмѣстѣ съ шинелями на землю. Съ собой вѣлѣли только взять запасные патроны и сухари, что находились у насъ въ холщевыхъ сумкахъ; успѣли даже покурить и высказать свои впечатлѣнія. «Въ ружье!.. По-ротно, въ двѣ линіи!»...—послышались команды, и стали расходиться роты на надлежащія дистанціи и, двинувшись потомъ прямо, стали переходить глубокую лощину, откуда открывался видъ и на турецкую позицію. Видѣнь былъ какой-то длинный валь, за нимъ—опять холмы, а лѣвѣе, въ самой лощинѣ, видѣлся городъ въ какой то мглѣ, а можетъ быть, и въ дыму. Въ лощинѣ наткнулись на воду, что на время разстроило равнявшіяся роты, но когда выбрались изъ воды, то опять пошли какъ будто на церемональномъ маршѣ, имѣя впереди, передъ фронтомъ, ротнаго командира, а въ полуротахъ—офицеровъ... Стали подниматься на противоположный берегъ, поросшій высокимъ ковылемъ, о который подметки сапогъ отшлифовались и ноги стали скользить, а ротный командиръ подсчитывалъ ногу, такъ что, стараясь попасть въ тактъ, каждый выбивался изъ силъ, часто спотыкаясь и падая отъ скользкой травы. Пальба всё продолжалась, но глуше стала слышна для насъ; видимо, мы удалялись отъ прямого пути, и шли въ обходъ, на лѣвый флангъ турецкій. Уже нѣсколько переваловъ прошли всё въ такомъ же порядкѣ и равненіи, но ничего новаго не открывалось для насъ, кромѣ того же ковыля. Солнце немилосердно пекло, потъ гра-

домъ катился по закоптѣлымъ лицамъ солдатъ; захотѣлось пить; но наши походныя баклаги были уже пусты; дыханіе затруднялось въ поспѣшномъ наступленіи и уже утомленіе чувствовалось сильное... Ротный командиръ оборачивается лицомъ къ фронту и на ходу кричитъ: «возьми сухарь въ ротъ—жажды не будетъ»...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ будто лучше стало: каждый идетъ и жуесть.. Все дальше и дальше идемъ, казалось и конца не будетъ; а все только видѣнъ ковыль одинъ... — «Да гдѣ же турка-то? Хоть посмотрѣть бы...» — съ досадою говорили солдаты; но, нѣтъ, ничего не видно. Вотъ, наконецъ, влѣво отъ насъ и нѣсколько впереди, колонна наша и, видимо, остановилась; пальбы уже не слышать. Послышался сигналъ: «всѣ» и «колонна»; стали и мы стягиваться въ колонну и двинулись къ нашимъ. Остановились на своемъ мѣстѣ и пытаемъ другъ друга: «видѣли-ли хоть?» — «Нѣтъ, ничего не видали...» Въ это время кто-то показалъ впереди и крикнулъ: «вонъ они, турки-то!..» Всѣ подняли головы и стали смотрѣть въ указанномъ направленіи. И дѣйствительно, впереди видѣлась большая пыль и въ отдаленіи всадники,—это отступала турецкая колонна; вдругъ, опять, съ нашей стороны послышались выстрѣлы — «Ага, нако, закуси, проклятый!..» — задорно говорили солдаты — «А что, ежели-бъ ихъ нагнать?» — «Поди, нагони; прытокъ больно! Они теперь подогрѣты—ишь, улепетываютъ какъ!..» Скрылась изъ глазъ колонна и войска повернули назадъ. Рязанскій полкъ первый пошелъ впереди насъ, направляясь къ

городу Меджидіе; мы тронулись влѣдъ за ними и видѣли съ одного перевала, что ихняя колонна, поднимаясь изъ котловины, растянулась и образовала большой хвостъ: оказалось, что люди задерживались въ этой котловинѣ около воды; наши тоже обрадовались, что близко вода и стали готовить манерки. Полковникъ Шелковниковъ, подѣхалъ къ водѣ, посмотрѣлъ и остановилъ полкъ. «Кто хочетъ пить эту дрянную воду—поди и пей, только я не совѣтую: это не вода, а гадость какая-то... Гг. офицеры не мѣшайте!» -- прибавилъ онъ, когда увидалъ, что офицеры не позволяли выходить изъ фронта. Этого было достаточно, чтобы охладить жадность людей къ водѣ: подходить-то—многіе подходили къ ней, но, взглянувши на воду, пить не стали, потому, что она была, скорѣе, похожа на плесень, чѣмъ на воду; кто же отвѣдалъ, тотъ потомъ часто сплевывалъ и ругался... Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже стояли на своихъ мѣстахъ и полкъ двинулся въ полномъ порядкѣ, не оставивъ ни одного человѣка позади, а рязанцевъ многихъ еще обгоняли по дорогѣ, да, какъ говорили потомъ, и убитые здѣсь оказались: башни-бузуки рѣзали отсталыхъ. Скоро приблизились къ бывшему бивуаку турецкому; здѣсь валялись цыновки, тряпье разное и видны были мѣста, гдѣ стояли ихнія палатки; но мы прошли дальше и въ виду Троянова вала и озера, расположились бивуакомъ въ составѣ цѣлаго корпуса, имѣя городъ назади и влѣво.

Какъ только сняли ранцы, сейчасъ же бросились за водой, которая была въ долинѣ, по-

зади насъ, верстахъ въ 3—4-хъ; команды шли за командами и по дорогѣ дѣлали оцѣнку позиціи, оставленной турками. Позиція здѣсь была превосходная: видать далеко и закрытіе есть—Трояновъ валь; да и недоступна она почти по всему фронту — впереди озеро. Какъ турки ее бросили—мы и понять и не могли, тѣмъ болѣе, что, какъ говорили, силы ихъ нисколько не были меньше нашихъ. Воду брали изъ родниковъ, что были позади Троянова вала, или же изъ колодцевъ, кои здѣсь были вырыты. Въ самомъ же озерѣ, говорятъ, вода не хорошая — тамъ мыли только рубашки. Вернулись назадъ на бивуакъ и принялись за свое хозяйство; но только-что вода закипѣла и стали заваривать чай—вдругъ, тревога... повылили чай и вмигъ были у своихъ ружей; колонны выстроились; постояли, постояли, — слышимъ: «отбой...» Повернули на свои мѣста и опять распустили солдатъ. Опять бросились за водой; да теперь уже бѣгомъ, взапуски, боясь, какъ бы еще чего не случилось въ отсутствіе... Прибѣжали, захывшись, на бивуакъ; ставимъ опять къ кострамъ манерки и, тревожно оглядываясь по сторонамъ, ожидаемъ, пока вода закипитъ; у нѣкоторыхъ чай заваренъ, — только бы пить; вдругъ опять тревога... Съ бранью покидали манерки, выливая чай и опять бросились на свои мѣста; я же своей манерки не вылилъ, а прикрывши, поставилъ за полотно офицерской палатки: «авось,—думаю себѣ,—опять вернемся на то же мѣсто...» Выстроились и колоннами двинулись впередъ; прошли немного: «стой»; опять постояли, постояли — «отбой»; повернули

кругомъ и опять пришли на то самое мѣсто. Я, живо сбросивъ свою аммуницію, кинулся къ своей манеркѣ и нашель ее нетронутой и съ горячимъ чаемъ. Съ какимъ торжествомъ теперь усѣлся я и сталъ попивать чай, когда кругомъ меня солдаты опять бѣжали на озеро за водой; они съ изумленіемъ и завистью посматривали на меня, а я подшучивалъ имъ въ догонку... Многіе, впрочемъ, уже оставили всякую мысль о чаѣ, боясь отлучиться съ бивуака, хотя запрещенія никакого и не было. Словомъ, этими двумя ложными тревогами, да впечатлѣніями этого дня, мы настроили себя довольно тревожно и все ждали, что вотъ-вотъ, сейчасъ что-нибудь случится... Послѣ зари, выслали по одному унтеръ-офицеру и двухъ рядовыхъ съ каждой роты и, подъ командой прапорщика Васильева, послали съ артельными повозками за ранцами и шинелями нашими. Стало довольно темно, а мы все еще сидѣли у своихъ костровъ и толковали о происшествіяхъ дня: спать идти не хотѣлось, да и холодно было безъ шинелей; однако, позднѣе, утомленіе пересилило и мы кое-какъ, свернувшись въ комокъ, имѣя подъ головами лишь сумы съ патронами, заснули крѣпкимъ сномъ.

До 7-го іюля простояли мы на этой позиціи въ составѣ цѣлаго корпуса; за это время у насъ происходили ротныя и баталіонныя ученья. Мимо насъ казаки часто прогоняли цѣлыя стада барановъ и быковъ, а иногда мы видѣли, что они гнали баши-бузуковъ, привязанныхъ къ сѣдламъ. Разъ, какой-то казацкій офицеръ, провождая съ казаками баши-бузуковъ, проѣзжая

мимо нашего бивуака, громко крикнулъ намъ: «Никого, братцы, впереди на 60 верстъ нѣтъ, кромѣ вотъ этой сволочи!»—указываль онъ на плѣнныхъ.

6-го іюля, 17-я дивизія снялась съ бивуака и тронулась, какъ слышно было, въ городъ Черноводы, что на Дунаѣ, а 7-го числа выступили и мы въ томъ-же направленіи. Въ ночь на 7-е число прошла опять ужасная гроза и проливной дождь, который увеличилъ намъ тяжесть шинелей на походѣ и размочилъ грунтъ, такъ что походъ показался намъ труднымъ. Верстъ 13 сдѣлали и расположились на великолѣпной позиціи, имѣя противъ фронта Трояновъ валъ и за нимъ, въ лощинѣ, деревню Узумама, а позади—озеро Черноводы и деревню Бекаро; одинъ недостатокъ былъ для нашего бивуака—недостатокъ воды; ближе 4-хъ верстъ не было колодець. Кухни наши были около озера, гдѣ вырыты были колодцы; въ самомъ же озерѣ воды не брали. Такая дальность воды печалила солдатъ; теперь только и думы было у каждаго, чтобы заpastись водой; а для этого вставляли ужасно рано и взапуски бѣгали до самыхъ колодець, чтобы успѣть согрѣть чай до начала запятій. Не прошло и недѣли, какъ люди начали болѣть кровавымъ поносомъ и умирать; стали варить завтраки, но на нихъ шли неохотно, такъ какъ варилась, такъ называемая «дубовка», да фасоль,—и то, и другое ужасно прѣлось намъ. Стали развлекать насъ въ нашей скукѣ: музыка играла каждый день на серединѣ полка, пѣсенники собирались пѣть пѣсни въ

ротахъ, приводили въ порядокъ и чистоту лагерь, производили небольшія ученія, косили сѣно и собирали его въ стога, дѣлали себѣ бани и парились въ нихъ; словомъ, потекла жизнь какъ-бы по мирному положенію, еслибы не назначалась ежедневно часть въ сторожевую цѣнь, которую располагали впереди Троянова вала, да не содержались бы днемъ пикеты. Занимались также усиленіемъ нашей позиціи, дѣлая элементы для стрѣлковъ и резервовъ.

V.

Стали появляться на нашемъ бивуакѣ какіе-то мужички — «некрасовцы», какъ говорили; они пріѣзжали къ намъ на телѣгахъ съ русской упряжью и привозили или махорку, которую продавали по $1\frac{1}{2}$ коп. за фунтъ, или овечій сыръ, или же, наконецъ, солёные огурцы, чему особенно были рады солдаты. Присутствіе такого торговца на бивуакѣ можно было узнать по большой толпѣ солдатъ, которая, постоянно смѣняясь, окружала телѣгу до тѣхъ поръ, пока она не оказывалась порожнею; тогда мужикъ уѣзжалъ, объѣдаясь опять побывать скоро съ какимъ-нибудь товаромъ.

Такъ простояли мы здѣсь до 19-го іюля, и въ этотъ же день, часа въ 4 послѣ обѣда, неожиданно выступили опять въ гор. Меджидіе, куда и прибыли поздно вечеромъ. 20-го іюля, 2-й и 3-й баталіоны выступили дальше, а 1-й баталіонъ былъ оставленъ въ городѣ, для содержанія караула въ ономъ и при дивизионномъ лазаретномъ обозѣ.

Городъ Меджидіе представлялъ довольно печальную картину: одинъ центръ его или, лучше сказать, базаръ—былъ заселенъ; здѣсь были лавочки съ водкой, табакомъ и разной мелочью, и трактиры на русскій манеръ, въ которыхъ только и напоминало Россію то, что подавали кипяченой воды сколько душѣ твоей угодно. Окраины города были пусты, раззорены и безлюдны. Въ этотъ же день, часовъ въ 5 вечера, насъ смѣнили Тульцы, а мы отправились на соединеніе съ нашимъ полкомъ, въ неизвѣстную намъ деревню. Ночь была холодная; шли очень ходко; но, благодаря тому, что шли по незнакомой дорогѣ, постоянно напрягая зрѣніе, утомились—таки порядочно; даже не знаемъ, сколько приблизительно верстъ прошли; бивуакъ уже спалъ, когда мы подошли къ нему; нигдѣ не было слышно голоса, нигдѣ не горѣлъ костеръ, такъ, что и мы, безъ шума разобравшись, скоро заснули.

23-го іюля, полкъ выступилъ по направленію къ городу Кюстенджи, что стоитъ на Черномъ морѣ, и расположились отъ него верстахъ въ 15-ти, близъ деревни уюкъ-Мурдатларъ, въ которой была станція Черноводо-Кюстенджійской желѣзной дороги. Позиція была выбрана на довольно большой возвышенности, имѣющей громадный обстрѣлъ впереди, къ сторонѣ непріятеля; влѣво отъ бивуака была деревня Мурдатларъ, въ которой были расположены, у колодезь, наши кухни; тамъ больше воды никакой не было,—да и колодцы эти, къ слову сказать, были очень глубоки: связывали до 10-ти палаточныхъ веревочекъ, чтобы манеркой достать воды; деревня

отстояла отъ насъ въ 4-хъ верстахъ, а ближе ея никакой воды не было. По большой мечети, находящейся здѣсь, можно было судить, что деревня турецкая; здѣсь живой души не было, все было брошено и раззорено; мы же, нуждаясь въ дровахъ для своихъ очаговъ, къ концу стоянки здѣсь, довершили ее разрушеніе.

На вновь занятой позиціи росъ великолѣпный лѣнь, какого и въ Россіи мнѣ не приходилось видѣть; это, какъ говорили потомъ, былъ поствъ какой-то англійской компаніи; жалко было трогать его, а потомъ, скрѣпя сердце, стали дергать и стлать въ налатки, гдѣ онъ и сослужилъ намъ службу, вмѣсто соломы. О движеніяхъ дальнѣйшихъ ничего не слыхать было, такъ что скоро принялись опять за ученья, за работы по усиленію позиціи (для чего была назначена саперная команда), за щеголеватое устройство лагеря, въ чемъ постоянно соперничали съ Рязанскимъ полкомъ, стоявшимъ правѣе насъ, и съ артиллеріей, стоявшей между полками нашимъ и Рязанскимъ. Стали выпадать часто дожди и мочить наше хозяйство, такъ что, при появленіи солнца, бивуакъ разцвѣчивался бѣлымъ и плавтемъ солдатскимъ, всевозможныхъ цвѣтовъ

Въ началѣ августа, къ намъ въ полкъ прибыли два охотника изъ Петербурга и ихъ зачислили въ 4-ю роту; это были молодые люди, имѣвшіе лѣтъ по 25-ти и, стало быть, вовсе не подлежавшіе воинской повинности; а прибыли они сюда единственно съ цѣлью подраться съ турками, въ защиту нашихъ братьевъ—Славянъ. Въ Петербургѣ, въ это время, говорили про

славную переправу нашего и Рязанскаго полковъ, и ожидали, вѣроятно, что дѣйствія съ непріателемъ у насъ будутъ непрерывно, — вотъ имъ и посовѣтовали поступить къ намъ въ полкъ; теперь-же, когда они узнали, что мы находимся въ бездѣйствіи и отъ непріателя далеко, — очень сожалѣли, что не попали подъ Плевну, гдѣ, въ то время, была настоящая боевая жизнь...

Я часто бесѣдовалъ съ ними о текущихъ дѣлахъ и о болгарахъ, о неблагодарности которыхъ въ то время начали говорить газеты. Числа 14-го августа къ нашей компаніи присоединился еще вольноопредѣляющійся Ефимовъ, переведенный изъ Петербурга тоже въ нашъ полкъ; прибылъ онъ въ ужасно жалкомъ видѣ: на немъ рубашки даже не было. Онъ разсказалъ намъ про неудачи подъ Плевной нашихъ войскъ, разсказалъ, что былъ застигнутъ по дорогѣ гдѣ-то паникой болгаръ, въ которой и потерялъ все свое имущество.

Въ началѣ сентября начались уже большіе холода, а по утрамъ сильныя заморозки; но, не смотря на это, насъ очень одолѣвали блохи, которыя здѣсь были необыкновенной величины, — ихъ такъ и называли солдаты: «турецкія, ядренныя»; впрочемъ и не однѣ блохи отравляли намъ нашу спокойную стоянку, — другое насѣкомое, гаже этого, водилось въ нашемъ бѣльѣ, и во всемъ, что прикасалось къ тѣлу. Въ началѣ походовъ, многіе солдаты запустили себѣ бороды, чтобы не брить часто, тѣмъ болѣе, что это было разрѣшено, — и бороды были чудесныя; но вдругъ, здѣсь, почему-то, всѣ бриться стали. «Что та-

кое?» — спрашиваю одного: «зачѣмъ обрился?» — «Нельзя, баринъ; не въ могути больно. . Страсть, какъ одолѣвають!..» Я не мало подивился этому обстоятельству, и никакъ не предполагалъ, что и въ волосахъ могутъ водиться эти паразиты. Да еще въ лагерѣ когда находишься, такъ все кое-какъ избавишься, а бѣда, бывало, какъ въ сторожевую цѣпь пойдешь, — просто, моченьки нѣтъ!.. Аммуниціи снять нельзя, раздѣться — тоже, а такъ, ляжешь на землю, да и катаешься кубаремъ, чтобы этимъ самимъ почесать себѣ покусанныя мѣста...

Впереди позиціи, черезъ долину, на плоскогорьѣ, которое начиналось обрывистыми и скалистыми скатами, ставили на ночь сторожевую цѣпь отъ обоихъ полковъ, а на день выставляли пикеты, которыхъ отъ нашего полка было 3. Кромѣ того, за деревней Мурдатларъ выставляли на ночь тоже посты, кои оберегали собственно деревню, съ кухнями и цейхгаузами. Въ свободное отъ службы время, солдаты ужасно скучали, что и породило воспоминанія о родинѣ, объ оставленныхъ тамъ близкихъ и родныхъ, и стали солдаты собираться кучками и толковать, что «вотъ-де, скоро намъ придетъ смѣна, что ужъ будетъ, потрудились, — пора и домой; другой землякъ-де, поди, лежитъ на печи, а ты, вотъ тутъ, горе мыкай...»

Время шло своимъ чередомъ и холодъ усиливался все больше и больше, дулъ сѣверный вѣтеръ и безъ конца гналъ свинцовыя тучи, которыя часто разрѣшались дождемъ и по цѣлымъ недѣлямъ заслоняли отъ насъ благодатное солнце.

Солдаты начали углубляться въ землю, вырывая подъ палатками яму на $1\frac{1}{2}$ аршина глубины, что предохраняло отъ назойливаго вѣтра и давало возможность просторнѣе размѣститься въ нашихъ маленькихъ палаткахъ; теперь даже стоять въ нихъ можно было; пошли и дальше: подѣлали себѣ, здѣсь-же, въ палаткахъ, печки, трубы отъ которыхъ вывели за полотно, такъ что теперь можно было, не выходя изъ палатки, особенно въ ненастье, грѣть воду на чай, что составляло немаловажное удобство въ нашей жизни.

5-го октября, Рязанскій полкъ выступилъ на рекогносцировку, подъ городъ Базарджикъ, а нашъ 1-й баталіонъ занялъ его лагерь для охраны и простоялъ здѣсь до вечера 8-го числа, когда Рязанскій полкъ вернулся обратно; о результатахъ ихней рекогносцировки я ничего не слыхалъ. Съ половины октября роты стали назначаться въ сосѣднія деревни Умурчи и Хассанчи, для работъ по устройству зимней стоянки, а также и землянокъ для сторожевыхъ постовъ и карауловъ, а также и для усиленія новой позиціи, находящейся между деревнями Мурдатларъ и Умурчи. Наконецъ, 22-го октября, мы оставили нашъ бивуакъ и перешли въ эти деревни, простоявъ на одномъ мѣстѣ ровно три мѣсяца. Въ деревнѣ Умурчи расположился штабъ полка, 2-й и 3-й баталіоны, а въ Хассанчи—1-й баталіонъ; по приходѣ на мѣсто, нашей ротѣ пришлось заступитъ сейчасъ-же въ караулъ, главная землянка которой находилась на югъ отъ деревни; въ землянкѣ была сдѣлана печь и оставлены приступки изъ земли для сидѣнья;

здѣсь помѣщалась цѣлая полурота, отъ которой выставлялось шесть пикетовъ, а на ночь прибавлялось еще два промежуточныхъ; отсюда-же высылались смѣны и патрули по линіи пикетовъ, на обязанности которыхъ, между прочимъ, лежало обходить деревню и заходить въ другой караулъ, при артиллеріи, гдѣ они должны были брать квитанціи о своей бытности тамъ. На самыхъ постахъ были устроены въ землѣ небольшія будки, для помѣщенія 3-хъ человекъ, а часовой стоялъ шагахъ въ 50-ти отъ этой землянки; самая линія постовъ была расположена на возвышенности, съ которой видно было пространство верстъ на пять, на семь, но мѣстность, все-таки была довольно пересѣченная, что очень затрудняло патрулированіе ночью, когда, что называется, хоть глазъ выколи—ничего не видно, да много еще смущала, пока не привыкли, трава «перекасти поле», которая цѣлыми комками катилась постоянно, гонимая вѣтромъ, да высокій бурьянъ, когда колыбался отъ вѣтру своей шапкой, не мало приводилъ въ трепетъ патруль и, случалось, подолгу выстаивалъ онъ передъ травой, въ ночной темнотѣ, тщетно вопрошая: «стой, кто идетъ?».

По смѣнѣ изъ сторожевой цѣпи, мы были разбиты по хатамъ, человекъ по 15-ти въ каждой; но прежде, чѣмъ приступить къ устройству своего жилища, мы приступили къ обѣду съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ вчера, въ деревнѣ Мурдатларъ, намъ не пришлось пообѣдать: пришлось изъ котла все вылить по случаю пожара, случившагося по сосѣдству съ нашей

кухней. Устроились въ хатахъ хорошо: поставили себѣ нары, а на нихъ постлали кое-какой соломенной трухи, которую натаскали съ крыши; стали выдавать керосинъ для освѣщенія, хотя свѣту было меньше, чѣмъ копоты, такъ какъ лампочки были безъ стеколъ,—просто какія-то коптилки; надѣнешь чистое бѣлье, а на утро, смотришь: бѣлье какъ-бы нарочно сажей выпачкано, какъ у трубочиста... Скоро, впрочемъ, и къ этому привыкли, тѣмъ болѣе, что при этомъ свѣтѣ можно было что-нибудь работать, или читать въ длинные зимніе вечера. Въ ротѣ у насъ нашелся искусный банщикъ, который, въ одной изъ порожнихъ деревенскихъ хатъ, устроилъ баню,—да какую еще баню! Теперь часто стали топить её и мылись съ удовольствіемъ, а то, и просто топили для того, чтобы уничтожить паромъ извѣстныхъ паразитовъ въ бѣльѣ... Придумали солдаты себѣ и еще одно удовольствіе: стали готовить изъ ячменя кофе,—прекрасный напитокъ, который даже сталъ вытѣснять собою употребленіе чая, выдаваемого намъ въ маломъ количествѣ; ячмень-же мы не покупали, а брали изъ брошенныхъ татарами хранилищъ, а потомъ и сами татары, коихъ здѣсь оставалось нѣсколько семей, давали намъ его даромъ. Приготовление ячменнаго кофе было простое: зерно ячменя разотрутъ на камнѣ палкой, чтобы шелуха отлетѣла, потомъ поджарятъ его на огнѣ, въ крышкѣ отъ манерки, до черна, а потомъ, опять на камнѣ, круглой палкой растираютъ въ порошокъ, и этотъ-то порошокъ заваривали въ кипяткѣ.

Ученье и служба опять вошли въ обычную колею; отдыху было мало. Разъ, 9-го ноября, бывши на ученьи, услышали бой «тревога», мигомъ разбѣжались по своимъ квартирамъ и стали торопливо собираться, надѣвая полную походную аммуницію со всѣмъ своимъ добромъ; а къ этому добру прибавился еще запасъ хлѣба: каждому жалко было бросать его, ну, и клали его въ сумы, отчего и нагрузились очень тяжело. Баталіонъ тронулся на позицію и, проходя деревней Умурчи, не засталъ уже тамъ нашихъ: всѣ были впереди и съ артиллеріей; прибавили шагу и на подъемѣ почувствовали, что короваи хлѣба лучше-бы бросить—ужасно трудно показалось! Приходимъ и видимъ, что всѣ войска заняли ложементы, а артиллерія безъ передковъ; заняли и мы своё мѣсто, тараща глаза впередъ, но впереди всё было спокойно, никакого непріятели не видно. Что за штука?... Проѣхало начальство, поздоровалось съ людьми и слышимъ «отбой» и «колонну».

— «Вотъ тебѣ и разъ! Это репетиція, а мы думали взаправду!»—говорили солдаты, жалѣя въ душѣ, что напрасно нагрузились такъ хлѣбомъ, а многіе разбросали его по дорогѣ, когда казалось особенно трудно было идти...

Третья рота получила назначеніе охранять впереди какую-то деревню, откуда татары заявляли жалобу на болгаръ, что они угоняли ихъ стада, да и наши татары, въ Хассанчи, подтверждали, что братушки пошаливаютъ...

Въ ночь на 18-е ноября, распространился слухъ о наступленіи турокъ; усилили сторожевую

цѣпь съ дежурной частью, а людямъ приказано было спать одѣтыми; но слухъ оказался преувеличеннымъ: высланные разъѣзды нашихъ драгунъ повстрѣчали непріятельскіе разъѣзды и завязали перестрѣлку. Съ этихъ поръ, однако, приказали огни въ хатахъ не гасить ночью и спать людямъ въ обуви.

Съ половины ноября здѣсь наступила хорошая погода, пользуясь которой я побывалъ въ городѣ Кюстенджи и въ первый разъ увидаль море. Городъ этотъ не особенно чистый, съ плоскими мостовыми и старыми домами самого разнообразнаго вида; но жизнь въ немъ кипѣла: на каждомъ шагу, въ улицахъ попадались лавки, кофейни, магазины и русскія харчевни; шнырялъ самый разнообразный людъ: здѣсь были болгары, татары, турки, греки, румыны и русскій солдатъ, отъ котораго теперь каждый жаждалъ поживиться.

29-го ноября, наша рота заступила въ сторожевую цѣпь и здѣсь, къ вечеру, мы первый разъ услышали вѣсть, что Плевна взята. Какой восторгъ охватилъ всѣхъ! Со слѣзами на глазахъ, солдаты снимали шапки и горячо благодарили Бога: предвидѣлся конецъ скуки отъ бездѣятельной стоянки. На другой день, по смѣнѣ нашей, ротный командиръ читалъ намъ приказъ, гдѣ объявлялась телеграмма Главнокомандующаго арміей о взятіи Плевны и о плѣненіи Сулеймановской арміи; «ура» было отвѣтомъ на слова ротнаго, когда онъ высказалъ надежду о благополучномъ и скоромъ окончаніи кампаніи; выпили по чаркѣ водки и веселились цѣлый день. Пошла опять однообразная жизнь наша со слу-

жебными занятіями, только холодъ опять увеличился и приказано было топить печи въ хатахъ и караульныхъ землянкахъ; выпадалъ и небольшой снѣгъ, но лежалъ не долго. Пошли опять разговоры про возвращеніе домой, въ Россію, а въ особенности запасные любили объ этомъ потолковать, при всякомъ удобномъ случаѣ. Былъ я разъ начальникомъ караула при батарее; хата, въ которой расположился карауль, была небольшая, низенькая, съ маленькими двумя окнами; въ ней ни одной скамейки не было для сидѣнья, а ихъ замѣняли большіе камни, которые были разставлены вдоль стѣнъ.

Ночь Лампочка тускло освѣщала внутренность хаты и солдатъ, которые, частью—сидѣли на камняхъ, а частью—лежали на соломѣ, брошенной на полу, вдоль одной стѣны.

Рядовой Толмачевъ, призванный изъ запаса, стоитъ у притолки двери и, покуривая, часто сплевываетъ въ сторону, дѣлая это какъ-то особенно искусно: у него всегда выходитъ звукъ: «чиркъ»; громадная тѣнь отъ его головы обозначается на потолкѣ; на нее теперь засмотрѣлся разводящій, ефрейторъ Шишкинъ, тоже призванный изъ запаса, но еще молодой и красивый парень, у котораго дома осталась молодая жена.

— Ты, братъ, съ своей бородой похожъ на огородное пугало,—говорить, наконецъ, Шишкинъ, обращаясь къ Толмачеву;—вонъ посмотри на потолокъ-то, ишь, какой страшный!..

— Да сбрей ты ее, братъ,—говорить кадровый солдатикъ Власовъ.

— Ну, а ты, говядина, молчи: кто-бы говорил, да не ты; твоя еще «сбра», въ Саксоніи не была!—говорить ему Толмачевъ, не выпуская изо рта трубку.

— Сбра?... Да что ты-то съ своей бородой, много служилъ что-ли? — говоритъ обиженно Власовъ.

— Много—не много, а ужъ въ «безсрочномъ» былъ, ко двору ходилъ, а ты еще въ то время соску сосаль!—продолжаетъ хвалиться Толмачевъ.

— Ну, поѣхаль!—говоритъ Шишкинъ;—я не о томъ: ты-бы вправду сбрилъ свою бороду-то, а то, она у тебя и растеть-то не какъ у людей.

И дѣйствительно, борода у Толмачева была громадная и завивалась какъ-то странно, большими, крупными завитками: точь въ точь, какъ у барана...

— Сбрить?... Нѣтъ, братъ, не сбрѣю: скоро домой,—она, какъ разъ, къ статьѣ,—проговорилъ Толмачевъ, сплевывая въ сторону.

— Охватывай... домой!—подзадориваетъ его Власовъ.

— Мы-то охватимъ, да вамъ-то не придется! Молоды еще...—сказаль Толмачевъ и вынулъ трубку изо рта; онъ тщательно выбилъ изъ нея золу и опустилъ въ карманъ.

— А что?... Развѣ, что новаго слышно?—спрашиваетъ задѣтый Шишкинъ.

— Слышно!—убѣдительно сказаль Толмачевъ —Вотъ, анамедни, въ штабъ ходили мы, такъ тамъ передавали, что Государь, подъ Плевной, казакамъ сказываль,—продолжалъ онъ.

— Что-же онъ сказываль-то?

— Да что. . . Сказываль, что скоро, братцы, домой; не долго, дескать, вамъ тутъ помучиться придется. . . Къ Рождеству, говорятъ, сказываль имъ, вернетесь. . .—говорилъ Толмачевъ, всё болѣе и болѣе оживляясь.

— Гмъ. . . Скажетъ тебѣ Царь про это. . .— качая головой, раздумчиво проговорилъ Шишкинъ.

— Стало быть, сказываль, когда говорятъ!— обидчиво и съ сердцемъ проговорилъ Толмачевъ. — Да еще какъ дѣло-го, слышь, было: пришелъ онъ къ казакамъ на кухню, а они обѣдаютъ,— продолжалъ Толмачевъ, опять оживляясь. . .— Пришелъ, поздоровался, это, и спрашиваетъ: «а что дѣтки, плохо вамъ тутъ?» — «Плохо, Ваше Императорское Величество», — говорятъ. . . — «Ну, потерпите, — говоритъ; — вотъ, скоро ко двору съ большой наградой пуцу. . .» А потомъ захотѣлъ попробовать пищу, попросилъ у кашевара ложку, а того, какъ-разъ, и не было; ну, сейчасъ, это, полѣзъ одинъ солдатъ за голеницу и вытянулъ оттуда, пообтеръ ее руками и начисто, значить, полый вытеръ. . . Царь взялъ ложку и спросилъ: «развѣ ложки ваши не на кухнѣ находятся?» — «Никакъ-нѣтъ, — говорятъ; у насъ у cadaго своя и завсегда съ собой. . .» «Я и не зналъ, — говоритъ. . . Нѣтъ, ты вотъ возьми: какъ это, братъ, Царь не побрезговаль солдатской ложкой?.. А?..

— Ну, это что-жь. . . тутъ чего брезговать: извѣстно, ложка. . .—говоритъ Шишкинъ, сладко улыбаясь.

Молчаніе.

— Э-эхъ!.. Какъ-бы Богъ послалъ, въ сам-дѣлѣ, къ Рождеству-то?.. — со вздохомъ промолвилъ Шишкинъ.

— Да ужъ вѣрно, братъ! — сказалъ Толмачевъ, и убѣдительно тряхнулъ головой; потомъ досталъ изъ кармана трубку и сталъ медленно набивать ее. Разговоръ на нѣкоторое время прекратился; но, вотъ, вдругъ, встрепенулся Шишкинъ. — «Эй, первая смѣна вставай, покури, а то, скоро часы!..» Стали подыматься люди, почесываясь; закурили, поплевали и пошли...

15-го декабря возвратилась изъ командировки, съ Дуная, наша 5-я рота; сказывали, что рубили лѣсъ для устройства моста на Дунаѣ; расположилась она тоже въ Хассанчи и насъ потѣснила.

Прибыли къ намъ ополченцы изъ Тамбовской губерніи, съ ними-же вмѣстѣ пришли къ намъ и еще два охотника изъ Тамбова, которыхъ возбудилъ своими рѣчами предводитель дворянства, такъ, что одинъ бросилъ старуху-мать и младшаго брата, имѣя хорошо устроенную кондитерскую въ городѣ, а другой — службу на телеграфѣ; оба они 2-го разряда по образованію и пошли сюда съ единственной цѣлью, помочь дѣлу освобожденія болгаръ отъ турецкаго ига; они даже пѣсню съ собой принесли такую:

«Вѣка вѣковъ, славяне терпѣливо

Подъ игомъ власти Турціи брели».

Мы собирались каждый день около нихъ и слушали рассказы про родину.

Наступили наконецъ и праздники Рождества Христова и, на первый-же день, когда мы

пили водку казенную, ротный командиръ поздравилъ насъ съ походомъ и велѣлъ къ нему готовиться. Морозы наступили довольно сильныя и снѣгъ давно уже лежалъ по полямъ. 6-го числа января, когда вся Православная Россія праздновала день Богоявленія Господня, мы выступили подъ городъ Хаджи-Оглу-Базарджикъ цѣлою бригадою, имѣя авангардъ отъ 1-го баталіона нашего полка. Было морозное утро и свѣтило солнышко; легко и весело было идти въ давно ожидаемый походъ; дорога была не ровная: переходили лощины и глубокіе овраги, занесенные снѣгомъ; а въ другихъ мѣстахъ снѣгу совсѣмъ не было видно, а только тонкій ледокъ; привалъ дѣлалъ у деревни Османъ-факи, гдѣ, при дорогѣ, стоялъ новый крестъ,—какъ говорили, — на могилѣ казака; поговорили объ этомъ несчастномъ, который одинѣшенекъ лежалъ здѣсь, вдали отъ родины; полежали, закусили хлѣбомъ, покурили и поскорѣй захотѣли идти: морозъ охватилъ вспотѣвшихъ и стало холодно. Дорога пошла теперь гололедицей и не такъ уже ходко шли, — ноги скользили. Проходили двѣ деревни, но ни одной живой души въ нихъ не видали, кромѣ собакъ, которыя, при нашемъ приближеніи, завывали и присоединялись къ хвосту колонны. Подходя къ деревнѣ Усдогларъ, мы увидали линію жалонѣровъ, обозначающихъ бивуакъ и были этимъ неприятно поражены: мы предлагали, что, въ виду холода, насъ будутъ разставлять по хатамъ; но хаты были разобраны офицерами, а намъ пришлось остановиться на снѣгу, рядомъ съ деревней; долго мы не принимались за устройство бивуака, раз-

думывая, какъ на снѣгу, безъ подстилки, или на мерзлой землѣ, мы будемъ спать... Но вотъ, подошелъ одинъ солдатъ къ плетню и сталъ его раскачивать; другой, угадывая его мысль, — присоединился, затѣмъ — третій, четвертый, и плетень затрепалъ, наконецъ, подъ напоромъ силы. . и поволокли его на бивуакъ; въ другомъ мѣстѣ большой ометъ соломы растаскивали солдаты, а тамъ, дальше — разбираютъ какое-то нежилое строеніе, и дрова явились на бивуакъ...

Скоро, затѣмъ, показались дымки отъ костровъ, у которыхъ теперь, возвратившіеся съ водой, солдаты грѣли воду для чая; пошелъ разговоръ по бивуаку, стало весело у костровъ и позабыли про неудобства, закусывая хлѣбомъ и попивая чай. Палатокъ очень мало было поставлено: нельзя было вбивать колышки въ мерзлую землю; большинство ограничилось тѣмъ, что ставили или плетень, или щитъ изъ соломы, и укрывались за нимъ отъ сильнаго морознаго вѣтра; но заснуть было нельзя; такъ и сидѣли у костровъ до обѣда, который былъ готовъ только поздно ночью. Поѣвши, заснули немного, прикрывши себя соломой и завернувши ноги въ полотно палатокъ; раннее утро застало опять всѣхъ насъ у костровъ, гдѣ теперь мы переобувались, грѣли окоченѣлые члены свои и пили чай. Въ переходъ, на другой день, снѣгу попадалось на дорогѣ больше и идти было труднѣй, а тутъ намокли сапоги и стали солдаты натирать себѣ ноги, отъ чего многіе поотстали; я же, съ привала, надѣлъ сальные носки, и ноги поправиль, да и сырость не проникала.

Проходили какую-то деревню, гдѣ много жителей было; а на ночлегъ остановились у деревни Гюемлы, оказавшейся довольно малой, такъ какъ тамъ помѣстились только разные штабы, а офицеры всѣ были на бивуакѣ. По приходѣ на бивуакъ, я имѣлъ неосторожность лечь и сейчасъ же заснуть: вспотѣвшаго, меня прохватилъ морозъ и я проснулся отъ сильнѣйшаго озноба; зубъ-на-зубъ не попадалъ; я даже испугался, что заболѣю; но, принявшись вмѣстѣ съ другими за устройство своего логовища, скоро разогрѣлся, а веселая картина оживавшаго бивуака довершила мое выздоровленіе.

Опять откуда-то натаскали соломы, хворосту, дровъ; какъ муравьи, закопошились и забѣгали солдаты и весело всѣмъ стало, только, собравшійся къ вечеру, дождь испортилъ всё дѣло, да и затруднилъ устройство ночлега. 8-го января, приближаясь къ мѣсту нашего бивуака, къ деревнѣ Караагачъ, мы замѣтили, что вправо отъ насъ двигалась колонна 2-й бригады нашей, а у самой деревни — стоящую на бивуакѣ, всю 17-ю дивизію.

Большое пространство заняли здѣсь войска; ночью, даже зарево виднѣлось отъ бивуачныхъ огней; въ самой же деревнѣ такая тѣснота была отъ обозовъ разныхъ, что пройти было нельзя. Къ ночи опять морозъ сковаль землю, а на другой день и снѣгъ пошѣлъ, да — такой снѣгъ, что въ сторожевой цѣпи ничего нельзя было видѣть. 10-го числа, послѣ дневки въ деревнѣ Караагачъ, тронулись мы дальше. Было свѣтлое солнечное утро; скоро солнышко заставило насъ

снять съ головъ башлыки, что оживило лица; пошёлъ говоръ послѣ появившагося слуха, что сегодня вступимъ мы въ бой... Дорога была пересѣченная, сильно затруднявшая движеніе артиллеріи: въ авангардѣ даже перевернулось орудіе. Деревни стали попадаться чаще и онѣ были другого вида: чище и съ домиками, крытыми черепицей. Вотъ, въ одной деревнѣ увидали казаковъ, которые грѣлись у костровъ; солдаты обрадовались имъ: «вотъ-бы у нихъ поспрошать, что и какъ»,—говорили они; въ это время, дѣйствительно, насъ остановили и велѣли составить ружья; сейчасъ же бросились къ нимъ—и пошли разговоры; слышавшіеся орудійные выстрѣлы вдали, поддали жару и толкамъ солдатскимъ; казаки рассказывали, что наша конная артиллерія, вотъ уже два дня, какъ завязала бой съ турками, но ничего подѣлать не можетъ: укрѣплень сильно городь...

Пріѣхалъ въ деревню командиръ корпуса и расположился въ какомъ-то большомъ домѣ, кругомъ котораго теперь толпились конные офицеры-ординарцы; скоро поскакали они въ разныхъ направленіяхъ, а мы тронулись дальше. Спустились въ глубокую лощину, поросшую мелкимъ дубовымъ кустарникомъ и почти всё время шли цѣликомъ, безъ дороги, по кочкамъ и сильно стали уставать, чему не мало способствовала вода и лёдъ, часто переходимыя нами. Наконецъ, были обрадованы видомъ бивуака 17-й дивизіи, которая была расположена на горѣ, у деревни Чаиръ-Ормани. Пройдя ее и мы развернулись для остановки на отдыхъ, но не такъ-то скоро

составили ружья: долго еще насъ ровняли, вводили въ линію; да когда остановились и раздѣлись—радости не много было: ничего нельзя уже было достать, а тутъ и начальство не велѣло ничего трогать въ деревнѣ; хорошо еще, что впереди бивуака, въ какой-нибудь верстѣ разстоянія, былъ дубовый лѣсокъ,—онъ насъ и выручилъ, а то-бы—совсѣмъ горе было безъ дровъ-го. Не скоро разожгли мы костры, однако: дрова были сырыя и только шинѣли, такъ что потребовалось что-нибудь сухое на подтопку,—и пошли собирать бурьянъ. Выстрѣлы всё еще слышны были, хотя и наступили сумерки; съ возвышенности, что лежала впереди бивуака, видѣнъ былъ дымъ отъ орудійныхъ выстрѣловъ и, что насъ особенно тогда удивило,—огонь при выстрѣлѣ и огненная полоса, сопровождавшая летѣвшій снарядъ: такую картину первый еще разъ удалось видѣть. Наступила почь и бивуакъ загорѣлся множествомъ костровъ, около которыхъ шѣлъ шумный говоръ солдатъ; пошѣлъ мелкій дождь и скоро мѣсто бивуака обратилъ въ грязное мѣсиво, а въ этомъ мѣсивѣ пришлось и спать, не имѣя ни клокка соломы подъ бокомъ...

На другой день насъ никуда не двигали и это дало возможность немного обсушиться и обогрѣться у костровъ, кои неугасимо поддерживали во весь день. Пальбы во весь день не было слышно, и солдаты, скучая, толкались по бивуаку, отыскивая земляковъ. Наступила морозная ночь,—опять горе: нечѣмъ укрыться; такъ и сидѣли у костровъ, въ дремотѣ прожигая шинели и сапоги.

Часовъ въ 8 утра, 12-го января, вдругъ, началась такая стрѣльба, что мы и не слыхивали: орудійные залпы перемежались безъ промежутка съ ружейными. Всѣ, было, встревожились и стали готовиться, а дежурная часть стала въ ружье, но приказаній никакихъ не послѣдовало, а потому, мало-по-малу, солдаты успокоились и продолжали заниматься своимъ хозяйствомъ.

Приволокъ одинъ солдатикъ нашъ цѣлую требуху; и откуда только онъ ее досталъ? Требуха была отвратительнаго вида и съ содержимымъ своимъ. Начали солдаты надъ нимъ смѣяться и спрашивали:

— Что ты это? Неужто, ѣсть будешь?

— А вотъ, посмотри, что будетъ,—отвѣчаетъ тотъ спокойно (онъ былъ старый солдатъ изъ запаса).— Ну-ко, братъ, бери-ка манерки три, да живо воды тащи: у меня есть, да мало, не управишься,—попросилъ онъ своего пріятели.

Тотъ мигомъ побѣжалъ, а онъ, засучивши рукава шинели, вмѣстѣ съ другимъ своимъ землякомъ, стали работать надъ требухой, наскоро очищая ее и имѣя только одну манерку воды. Солдаты стояли кругомъ нихъ и, слѣдя за работой, продолжали смѣяться, но хозяинъ требухи, уже никакого вниманія на нихъ не обращалъ: работа у него кипѣла, воды принесли, требуху разрѣзали на куски и затискали биткомъ въ манерки, покрывши крышками.

— Теперь,—говоритъ онъ,—пускай прѣтеть,—и, закуривши трубку, спокойно присѣлъ на корточки къ костру, поправляя и подкладывая по минутно дрова.

Солдаты, видя такую рѣшительность въ его дѣйствіяхъ и несомнѣнное знаніе, трунили теперь слабѣе, а нѣкоторые стали услуги свои предлагать: «можетъ, тебѣ водицы дать; можетъ, мало воды-то»; или: «можетъ, манерку возьмешь мою?» Но тотъ, съ холоднымъ равнодушіемъ, качалъ отрицательно головой, не удостоивая даже отвѣтомъ.. Прошло не мало времени, когда онъ сталъ открывать крышки, чтобы поворочать, да посолить варево, а изъ манерокъ стало вкусно пахивать.. Еще какихъ-нибудь полчаса—и группа участниковъ сидѣла вокругъ, снятыхъ съ огня, манерокъ и убирала за обѣ щеки требуху, а насмѣшники, сконфуженные, разошлись въ разныя стороны, глотая слюнки, не смѣя заикнуться о томъ даже, чтобы дали попробовать и преслѣдуемые теперь насмѣшками предпринимателя...

Безъ тревоги и безъ приключеній провели мы день 13-го января, грѣясь и просушиваясь у костровъ, а къ вечеру извѣстно стало, что завтра выступаемъ, въ 9 часовъ утра, къ Базарджику; во весь день тянулись мимо насъ какія-то фуры съ ранеными солдатами 17-й дивизіи, а казаки сопровождали не мало плѣнныхъ, рассказывая солдатамъ разные ужасы.

Въ утро, 14-го января, тронулись мы цѣлою бригадой, имѣя впереди Рязанскій полкъ; видно было, что идемъ не прямо по направленію Базарджика, но влѣво отъ него и безъ дороги. Солнце весело свѣтило на безоблачномъ небѣ и скоро стали распускать и снѣгъ и ледъ, образуя большія лужи воды, не обращая вниманія

на которую, мы шли довольно ходко по луговой почвѣ, и скоро, пройдя версть 5, поднялись на возвышенность, съ которой открывался далекій видъ на окрестности. Бригадный командиръ, генераль-маіоръ Жуковъ, ѣхалъ сбоку войскъ и, отдавая приказанія, рассылалъ ординарцевъ своихъ въ разныя стороны; кавалерія и артиллерія отдѣлилась отъ насъ и пошла вправо, а мы, продолжая двигаться прямо, дошли до деревни Кюпелеръ, гдѣ, временно, приостановились. Вправо отъ насъ, подъ Базарджикомъ, давно открылась пальба изъ орудій, но теперь, когда мы остановились, ясно стала слышна и ружейная трескотня.

Вотъ, прискакалъ какой-то адъютантъ, и поспѣшно, запыхавшись, передалъ приказаніе, изъ котораго мы слышали только: «на лѣвый флангъ. .» Тотчасъ-же тронулись вправо колонной и скоро наткнулись на кукурузное поле, которое, въ это время, представляло какой-то кисель: нога уходила по колѣно, а перепутанные корни кукурузы захватывали и не позволяли ее вытаскивать назадъ; надсадились здѣсь ужасно, пока опять не поднялись на другую возвышенность; но войскъ еще не видать было впереди, хотя ружейная трескотня, слышная теперь еще сильнѣе, показывала, что, гдѣ-то тутъ, они близко были. Перешли еще одну лощину и опять взяли въ раскисшей почвѣ, захлостали свои шинели до пояса и теперь только догадались приподнять ихъ полы; вышли опять на перевалъ и баталіоны разошлись на полные интервалы; въ это время изнеможеніе солдатъ достигло высшей степени и они стали десятками отставать и падать...

Вотъ, я наткнулся на одного солдата, уткнувшаго лицо свое въ грязь; тѣло его все вздрагивало и слышно было какое-то мычаніе;—наклоняюсь къ нему и вижу, что это вольноопредѣляющійся стрѣлковой роты Чхейдзе, онъ, оказывается, рыдалъ, какъ ребенокъ, не имѣя больше силъ двигаться. . Помочь ему, разумѣется, я не могъ,—мнѣ и самому не въ моготу было,—такъ и пошелъ дальше, вспоминая молодцоватую фигуру этого Чхейдзе, еще недавно красовавшуюся впереди роты... Все дальше и дальше стала видна масса дыма, который густо застилалъ горизонтъ и не позволялъ далеко видѣть; видно было только движеніе конныхъ ординарцевъ и адъютантовъ, скакавшихъ постоянно въ разныхъ направленіяхъ. Пальба какъ-бы усилилась и отчетливѣе была слышна; впереди насъ стояли и лежали роты и, время отъ времени, застигались дымомъ отъ ихъ стрѣльбы залпами. Баталіонъ нашъ, наконецъ, остановился возлѣ какого-то кургана и я повалился, какъ снопъ, на землю: въ вискахъ стучало, передъ глазами носились какіе-то круги, сердце сильно билось и, стѣсненное ношей, дыханіе со свистомъ вырывалось изъ пересохшаго рта... Рука потянулась за снѣгомъ и я съ жадностью сталъ глотать его; вдругъ со свистомъ и визгомъ пронеслось что-то надъ нашими головами. . никто, какъ говорится, и ухомъ не повѣлъ, какъ будто никому никакого и дѣла до этого не было, какъ будто, это не смерть пронеслась надъ нашими головами. . всѣ неподвижно и безмолвно стояли, опершись на ружья, съ тупо устремленнымъ впередъ взглядомъ и по-

рывистымъ дыханіемъ... Шлепнулась еще граната впереди баталіона, обдавши грязью переднихъ и баталіоннаго командира; но страха нѣтъ у людей, а только слышались шутки, успѣвшихъ отдохнуть, солдатъ; смѣялись надъ однимъ деньщикомъ, которому всю рожу обрызгала грязью неразорвавшаяся граната и онъ теперь, съ ругательствами, обтирался рукавомъ и отплевывался.

Прислали адъютанта передать, чтобы отодвинулись назадъ; отодвинулись и стали отъ прежняго мѣста значительно дальше. Мимо насъ потянулись носилки съ ранеными солдатами и офицерами, коихъ мы провожали теперь равнодушными взглядами.

Приказанія идти впередъ мы не получали; очевидно, и безъ насъ обошлись, такъ какъ палуба стала стихать понемногу и, наконецъ, совсѣмъ замолкла. Повернули баталіоны кругомъ и двинулись назадъ, по старой дорогѣ, къ деревнѣ Чаиръ Ормани; но теперь и какъ будто, идти было лучше, хотя почва, по прежнему, была на подобіе киселя; теперь скоро видѣлся конецъ движенію, отдыхъ. Бивуакомъ расположились нѣсколько впереди прежняго, гдѣ грязь была до того велика, что заставила солдатъ серьезно задуматься о томъ, какъ положить снятый съ плечъ ранецъ и аммуницію, тѣмъ болѣе, что вся подстилка съ прежняго бивуака нашего была уже разобрана прежде прибывшими войсками; однако дѣлать было нечего; скрѣпя сердце, побросали все свое добро въ грязь и пошли опять на добычу дровъ, бурьяну и воды, а черезъ часъ бивуакъ представлялъ уже опять прежнюю оживленную

картину. Проходя за водой мимо кухонь нашихъ, я былъ пораженъ шумомъ и беспорядкомъ: здѣсь была чистая ярмарка. Кухни тоже только-что возвратились и устраивались, у нѣкоторыхъ котлы были заварены, а нѣкоторые еще и не начинали устройства; кашевары ругались другъ съ другомъ, дрова не горѣли, такъ какъ были сыры, изъ свѣже срубленнаго дубняка, а потому и пища была готова только ночью; въ ожиданіи обѣда, солдаты, у костровъ, просушивали свои заплостанные шинели и шаровары. Спали въ палаткахъ, имѣя подъ боками хворостъ, а ноги такъ въ грязи и покоились. Утро давно уже наступило, а солдаты не хотѣли вылѣзть изъ палатокъ, когда узнали, что костры погасли: никому не хотѣлось принять хлопоты на себя; но скоро холодъ и сырость кругомъ заставили опять солдатъ двигаться; и начали закигаться костры.

Ночью я чувствовалъ ломоту въ ногахъ и судороги; они были мокры до колѣна, такъ что, на утро, первой заботой моею было переобуться и надѣть сальные носки; манерка чаю, выпитаго у костра, особенно благотворно подѣйствовала на меня: озноба какъ не бывало и опять весело стало на душѣ, тѣмъ болѣе, что и денекъ былъ хорошій, солнечный; а тутъ скоро появилось приказаніе, скорѣе обѣдать ротамъ, а послѣ обѣда выступать въ Базарджикъ, который, какъ слышно было, очищенъ былъ турками въ эту-же ночь. Обѣдали, однако, не всѣ роты: пища еще не была готова, когда приказали стать въ ружье,—такъ и вылили котлы на землю.. Двинулись теперь въ походной колоннѣ; офицеры шли впе-

реди и оживленно разговаривали; оживленіе ихъ передалось и намъ, и у насъ въ рядахъ пошли веселые разговоры и шутки; но не долго это продолжалось: какъ добрались до пахатной почвы, такъ и баста! Грязь затягивала ноги совершенно и съ большимъ усиліемъ приходилось выдирать ихъ,—даже сапоги не держались на ногахъ. Опершись на ружьё, я доставалъ изъ грязи сапогъ, и пока надѣвалъ его опять, отсталъ отъ своихъ и долженъ былъ идти позади колонны. Тѣмъ временемъ, наступили сумерки и окрестности все болѣе и болѣе уходили отъ взоровъ, закутываясь темною. Въ одной лощинѣ, гдѣ протекалъ ручей, былъ переброшенъ узенькій мосточекъ; переходя его, полкъ еще болѣе растянулся, такъ какъ солдаты останавливались пить воду. Хотя баталіоны и пріостанавливались, чтобы люди подтянулись, но наступившая темнота мѣшала возстановить порядокъ, и солдаты, отбившіеся отъ своихъ ротъ, группами, медленно тащились далеко позади колонны. Благодаря грязи, люди едва, едва подвигались, поминутно останавливаясь, чтобы достать и натянуть опять сапогъ, но все таки держались кучками, боясь теперь въ темнотѣ, остаться среди ночи въ грязи, а главное—боясь баши-бузуковъ, о которыхъ кто-то напомнилъ... Говорили, что идти не далеко, что осталось версты 4; но нѣтъ, казалось, что этимъ 4-мъ верстамъ не будетъ конца. «Городъ! городъ!»—послышалось кругомъ. Я поднялъ голову и оглядѣлся: дѣйствительно, впереди были видны огоньки, но они казались не такъ-то близко, какъ желательнo было-бы видѣть «Версть восемь еще

будетъ,»—мысленно рѣшилъ я, припоминая случай, когда мы, разъ, здорово ошиблись на огонькахъ ночью. Идемъ опять, повѣсивши головы внизъ; грязь однообразно чмокала и трещала подъ ногами нашими, слышно было тяжелое дыханіе солдатъ и ихъ отрывистая ругань; хотѣлось отдохнуть, но мысль о баши-бузукахъ подавала силъ... Вотъ, почти попадали въ какой-то ровъ; вверху обрисовался брустверь; полѣзли на него и опять, чуть не кувыркомъ, спустились внизъ... «Ишь, чортъ, нарылъ гдѣ!..» ворчали солдаты. Грунтъ здѣсь пошелъ тверже, должно быть, земля не паханая была, хотя подъ ногами не проваливалось, но какъ-то зыбилась, отъ избытка сырости. Перешли еще лощину и стали подыматься въ гору, и здѣсь, на перевалѣ, увидели впереди неясные силуэты какихъ-то построекъ. «Ну, вотъ онъ, и городъ!» радостно говорили солдаты, чуя приближеніе отдыха.. Прибавили шагу и врѣзались въ толпу солдатъ, которые стояли и сидѣли; здѣсь слышны были возгласы, — спрашивали и окликали свои части и никто не зналъ, не давалъ отвѣта, куда идти... «Второй баталіонъ сюда!» кричатъ вдаль. «Гдѣ 5-я рота?» заоралъ одинъ надъ самымъ ухомъ.— «Здѣсь! сюда!»—ствѣчаютъ ему, и онъ, толкаясь направо и налево, лѣзетъ, ничего не разбирая, давя ноги, задѣвая ружьемъ головы, а вслѣдъ ему сыпется брань, да и не одинъ кулакъ опускался на спину его, пока онъ достигъ своей роты.. «Гдѣ 1-й баталіонъ?»—кричу и я; но голосъ мой остался безъ отвѣта: шумъ и гамъ кругомъ ужасные, ничего нельзя было разобрать..

Сталъ полегоньку пробираться сквозь толпу солдатъ, направляясь на вѣтряную мельницу; наткнулся на орудіе въ упряжи и опять врѣзался въ толпу, окружающую мельницу; здѣсь толпа была еще гуще и я съ большими усиліями добрался до стрѣенія, думая какъ-нибудь посидѣть на сухомъ мѣстѣ.

Однако, все оказалось занятымъ; гдѣ можно было сѣсть, тамъ сидѣли; я полѣзъ подъ крыльцо, думая тамъ найти мѣстечко, но и тутъ наткнулся на ноги солдатъ, лежавшихъ на землѣ; не смотря на это, я рѣшился втиснуться туда и сталъ напирать ранцемъ; послышалась ругань; кое-какъ легъ и вздохнулъ полною грудью, чувствуя, какъ бились виски, какъ колотилось сердце.. Кругомъ мельницы, въ темнотѣ, слышался по прежнему ужасный шумъ: выкликали свои части, ругались... я, закрывши глаза, отдыхалъ, не смѣя пошевелиться, чтобы не беспокоить сосѣдей; ужасно покурить захотѣлось, но нечего и думать о томъ: къ карману руки не продерешь...—«Охъ, Боже мой, какое мученье!» послышался голосъ рядомъ со мной. Голосъ оказался знакомый и я ужасно обрадовался, когда узналъ, что это одинъ изъ охотниковъ нашей роты Неймонъ. Мы поздоровались, но руки не могли протянуть другъ другу. «Курить давайте сдѣлаемъ,»—говорю ему. «Я объ этомъ давно,—говорить,—думалъ, да не могу сдѣлать: руки въ грязи и не найду кармана; я здѣсь недалеко упалъ и лицо даже въ грязи вымазалъ».

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ сдѣлать что-то на подобіе папироски, и я, засвѣтивъ

спичку, смотрю: дѣйствительно, Н. трудно было узнать, все лицо было въ черной грязи... Покурили съ наслажденіемъ и замолкли, отдыхая; кругомъ насъ тоже лежали все молча, можетъ быть, даже спали. Надъ нами, на самомъ крыльчѣ мельницы, слышно было, разговаривали офицеры.

— Чортъ возьми, гдѣ-же городъ? — спрашиваетъ одинъ.

— Говорятъ, вотъ внизу; вонъ, видите, огни; но мы туда не пойдёмъ должно быть, — отвѣчаетъ другой.

— Гдѣ-же почевать-то будемъ?

— Да гдѣ.. Вотъ, въ мельницѣ, я думаю, хорошо будетъ...

— Пойду, займу мѣсто...

— Не трудитесь, господа! Здѣсь биткомъ уже набито... отвѣчаютъ имъ изъ самой мельницы.

— Жаль.. прозѣвали...

— Второй баталіонъ, ружье вольно, шагомъ, маршъ! — послышалась команда возлѣ.

— Вотъ тебѣ — и почевать! Нѣтъ, братъ; видно, нынче и конца этому не будетъ! — съ досадою говоритъ какой-то офицеръ и быстро спускается по ступенькамъ...

Стали и мы выбираться изъ подъ крыльца, чтобы присоединиться къ своимъ; баталіонъ тронулся, грязь опять зачмокала, затрещала. Наткнулись на людей, которые тщетно зывали къ 1-му баталіону и, присоединяясь къ нимъ, пошли дальше и натолкнулись на артиллеристовъ, которые указали намъ направленіе. «Гдѣ 1-й ба-

таліонъ?»—«Какого полка»—«Какого? Рязанскаго!»—«А гдѣ-же Ряжскій полкъ?»—«Поди, ищи». Взавши отсюда влѣво, отыскали, наконецъ, своихъ; говорятъ, баталіонъ давно здѣсь стоитъ, чего-то ждутъ; люди сидѣли и лежали прямо въ липкой грязи, продуваемые насквозь вѣтромъ; стало ужасно холодно, зубы стучали... Вотъ, въ Рязанскомъ полку слышались команды; они двинулись куда-то; скоро и мы пошли, сперва колонной, а потомъ роты стали останавливаться и отдѣлялись вправо. Оказалось, что мы идемъ вдоль какихъ-то построекъ, которыя теперь не ясно обозначались въ темнотѣ; на каждую роту отдѣляли по одному бараку; наконецъ и мы достигли своего. У дверей стоялъ нашъ ротный командиръ, держа въ рукахъ фонарь и самъ пропускать каждаго внутрь; тамъ мы биткомъ набились; люди всё прибывали и всё больше и больше тѣснились.—«Ружья привяжи къ столбамъ и ранцы долой!»—скомандовалъ ротный и сейчасъ же ушелъ. Стали разбираться солдаты, толкая другъ друга ранцами и локтями; я протискался къ самой стѣнѣ и сѣлъ на свой ранецъ. Ухъ, какъ легко и хорошо стало! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не дуетъ и подъ ногами сухо. Землянка была обыкновеннаго устройства, съ двухскатной крышей изъ хворосту и дерна; сидѣть здѣсь было неначемъ, а потому и усѣлись на ранцахъ-же, гдѣ кто стоялъ, да такъ, не вставая и не двигаясь съ мѣста, провели мы эту ночь въ дремотѣ и снѣ. Утромъ, когда я проснулся, всѣ солдаты уже были на ногахъ и въ большомъ оживленіи; я вышелъ изъ барака на свѣтъ Божій и увидалъ

внизу, въ котловинѣ, городъ, повидимому большой, но не ясно еще видимый въ утреннемъ туманѣ. Нѣкоторые солдаты, видимо, побывали уже тамъ, и теперь еще видно было, какъ возвращались они съ какой-нибудь добычей: кто—доски несъ или ящикъ какой, кто лампу разбитую, тряпье какое-нибудь, а одинъ тащилъ большой горшокъ съ чѣмъ-то: онъ шёлъ осторожно, боясь расплескать что-то; да повстрѣчалъ его ротный командиръ и выбилъ изъ рукъ его драгоценную ношу—оказалось, что несъ онъ сметану....

Баракы, въ которыхъ провели мы ночь, были турецкіе, довольно хорошо и чисто построенные; располагаясь по одной линіи, каждый имѣлъ два выхода, а около мѣсто для сбора роты; напротивъ солдатскихъ бараконъ были устроены и офицерскіе, въ которыхъ теперь размѣстились наши офицеры—они были немного поменьше и съ трубами. Теперь кругомъ бараконъ былъ настоящій базаръ: толпами стояли у костровъ и громко разговаривали, перебѣгали изъ одного барака въ другой, наталкиваясь другъ на друга и наскоро передавая какую-нибудь новость о городѣ, о туркахъ. Смотрю: въ одной кучкѣ солдаты ѣдятъ мѣдъ съ сухарями,—«откуда это?—спрашиваю —«Да въ 4-й ротѣ продаютъ»—говорятъ. Иду въ баракъ 4-й роты и, дѣйствительно вижу: маленькій солдатъ сидитъ на землѣ и между ногами зажалъ большой деревянный жбанъ; около него куча солдатъ и заявляютъ требованіе: «на 2 копѣйки», «на пять копѣекъ», а тотъ преспокойно, деревянной ложкой, выдѣляетъ имъ порціи

и получаетъ денежки... Продавали гдѣ-то, въ 3-мъ баталіонѣ, и баранину, да уже, сказываютъ, больше нѣтъ, вся вышла. Отъ того такъ и солдаты были оживлены, что каждому почти удалось отвѣдать или баранинки, или мѣдку...

Въ полдень вступили мы въ городъ съ музыкой и пѣнями, но ни кто не встрѣчалъ насъ, ни одной живой души на улицахъ не было видно... Размѣстился полкъ по квартирамъ, занимающая сѣверную часть города, а нашъ баталіонъ — самую окраину, обращенную къ землянкамъ; хаты были пусты такъ-же, какъ и дворы около нихъ. Стали шнырять солдаты по разнымъ уголкамъ, хлѣвамъ и сараямъ, раздобылись соломы подъ бокъ, да и полегли. Обѣда сегодня, — сказали, — не будетъ, такъ-какъ обозъ нашъ застрялъ въ той-же грязи, гдѣ мы вчера мучились; нѣкоторые-же отправились въ городъ купить чего-нибудь съѣстного, но, увы, ничего нельзя было достать... Городъ Хаджи-Оглу-Базарджикъ представлялъ теперь картину полного разрушенія и запустѣнія: въ домахъ стекла были выбиты, двери и ставни сорваны, на улицахъ валялась разбитая мебель, тряпье разное, битая посуда и ни одной живой души не видать, кромѣ нашихъ солдатъ... Только одинъ грекъ сидѣлъ въ отпертой лавкѣ за прилавкомъ и продавалъ водку... Сидимъ въ хатѣ на соломѣ и жуемъ сухари, у кого они были, съ грустью припоминая, что и вчера, вѣдь, мы не обѣдали, а вылили изъ котла пищу, такъ-какъ она не сварилась до выступленія нашего.—Вдругъ, вбѣ-

гаеть въ хату солдатъ нашего отдѣленія, съ какой-то корчагой въ рукахъ.

— Братцы! Вотъ, что отыскаль: мука—не мука,—самъ не знаю что,—посмотрите!... Смотришь всѣ и рѣшасмъ, что это мука.

— Хорошо-бы хлѣба испечь, да боюсь: не отравили тутъ?—говорить хозяинъ находки.

— Что-же, спеки,—говоримъ мы;—только и намъ потомъ дай.

— Ладно;—говорить,—испеку на всѣхъ!—и ушёлъ въ сѣни, гдѣ былъ устроенъ очагъ.

Мы уже вздремнули изрядно, когда онъ вновь вошёлъ и съ торжествомъ показаль румяную, дымящуюся лепешку.

— Вотъ, братцы, спѣкъ, да боюсь отвѣдать: можетъ быть, и вправду, тутъ такая отравка есть?... —говорить онъ какъ-то жалостливо;—попробуйте!

Всѣ отломали по кусочку и сперва понюхали: пахнетъ очень вкусно, свѣже испеченнымъ хлѣбомъ... Стали осторожно, по маленькому кусочку пережевывать, посматривая другъ на друга.

—Ничего: не отравился никто! А какъ вкусно-то! И радость засіяла на рожахъ солдатскихъ..

— Давай-ка еще, братъ,—заговорили всѣ разомъ.—Вотъ хорошо-то! Ай, да молодець!...

Но «молодець», давно наблюдавшій за впечатлѣніемъ солдатъ, смекнулъ и, круто повернувшись отъ насъ, пошёлъ на утѣкъ изъ хаты, прибавивъ совсѣмъ уже другимъ тономъ: «нѣтъ, спасибо, я и одинъ поѣмъ!...» Вслѣдъ ему посыпались ругательства, но это его не смутило и онъ, дѣйствительно, никому больше ни кусочка не далъ!...

На другой день, отправили прапорщика Благонравова съ командой рабочихъ, выручать обозъ изъ грязи; но не лёгкимъ оказалось это дѣло: цѣлюю недѣлю провозились они тамъ, вытаскивая поломанныя фуры обоза, а такъ-какъ лошадей много пало и въ нихъ чувствовался большой недостатокъ, то и возили оттуда по одной, по двѣ повозки, возвращая тѣхъ-же лошадей за слѣдующими. Прибыли наши кухни, но пищу варили очень скудную: одну крупу безъ мяса, такъ-какъ и подрядчики застряли съ своими обозами подъ Базарджикомъ и мяса не у кого было достать. Черезъ недѣлю стала хорошая погода, дороги стали подсыхать и жизнь стала закипать въ оставленномъ городѣ: возвращались жители, открылись лавки, магазины, кабаки и прочія увеселительныя заведенія, такъ, что съ этихъ поръ недостатка мы ни въ чемъ не ощущали. Благодаря распорядительности военной полициі нашей, городъ скоро принялъ благообразный видъ и чистоту; теперь пріятно было прогуляться по его улицамъ и поглазѣть на товары въ магазинахъ, многіе изъ которыхъ были очень богатые.

Дошло и до насъ извѣстіе, что 19-го января былъ подписанъ въ гор. Санъ-Стефано предварительный мирный договоръ.

«Слава Богу! Стало-быть, война окончена», —каждый думалъ и говорилъ; и стали строить планы насчетъ скорого возвращенія въ Россію, нисколько не предполагая въ то время, что намъ судьба готовила совсѣмъ другое...

Съ этихъ поръ и жизнь наша пошла по мирному: ходили въ городской караулъ, гдѣ еще

много охранялись не отправленныхъ въ Россію турецкихъ плѣнныхъ, ходили на работы по устройству дорогъ, ходили на ученья, а въ свободное время занимались устройствомъ своихъ помѣщеній, гдѣ теперь настлали нары, вычистили и вымыли, а дворы усыпали песочкомъ. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе весны: солнышко весело свѣтило цѣлый день и птички несмолкаемо шумѣли по полямъ, и насъ тянуло въ поле, множество солдатъ, группами, свободно разгуливали по окрестностямъ Базарджика, или же, лежа на травѣ, начинающей уже зеленѣть, смотрѣли на небо, слѣдя за быстрымъ ходомъ облаковъ и мечтая о далекой родинѣ... Въ концѣ февраля мѣсяца двинулись мы назадъ, на свои зимнія квартиры; на дорогахъ, мѣстами, еще лежалъ снѣгъ, но, мѣстами, видно было, какъ жители засѣвали новый хлѣбъ. Не помню, сколько мы простояли еще здѣсь, въ деревняхъ Умурчи и Хасанчи, но послѣ перешли мы, вмѣстѣ съ Рязанскимъ полкомъ, въ г. Кюстенджи, что лежитъ на берегу Чернаго моря. Здѣсь стали укрѣплять берега по обѣ стороны города, возводя укрѣпленія довольно солидныхъ профилей; такъ всю стоянку здѣсь и дѣлили между караулами и работами. Потомъ нашъ полкъ двинулся на г. Меджидіе и, оставивъ здѣсь 2-й и 3-й баталіоны,—двинулся въ городъ Черноводы, что стоитъ на берегу Дуная. Штабъ полка расположился въ самомъ городѣ, около станціи желѣзной дороги, а баталіонъ—лагеремъ, на высокомъ берегу рѣки; позади нашихъ палатокъ стояли землянки, построенныя нашей 2-й бригадой,

которая здѣсь зимовала; теперь ими не пользовались, потому, что стояла прекрасная весенняя погода.

Черноводы—небольшой городокъ, съ очень плохими постройками и мало оживленный; если бы здѣсь не было станціи желѣзной дороги и пароходной пристани, то городъ совсѣмъ-бы походилъ на деревню; но житье здѣсь намъ было, вообще, привольное: каждый день купались, ловили рыбу; караулъ былъ незначительный, а работали по очереди на пристани; кромѣ караула и казенныхъ работъ, здѣсь открыли курсовую стрѣльбу и различнаго рода ученья, начиная съ одиночки. Имѣя передъ глазами широкую рѣку съ движущимися по ней судами, слыша постоянно свистки пароходовъ и локомотива желѣзной дороги, мы совершенно забывали, что находимся еще на землѣ непріятели.

Въ началѣ іюня мѣсяца передвинулись мы въ Базарджикъ и расположились лагеремъ на югъ отъ него, верстахъ въ 2—3-хъ; здѣсь, видимо, сосредоточивался весь XIV-й корпусъ: войска прибывали и становились около насъ. Іюня 16-го дня мы перешли демаркаціонную линію, охраняемую турецкими войсками; насъ пропустить сперва не хотѣли, но когда, не взирая ни на что, начальство двинуло войска дальше,—турки безмолвно пропустили насъ и дальше никакихъ препятствій не дѣлали. Такъ дошли мы до города Козлуджи, переваливъ довольно значительныя высоты Малыхъ Балканъ, и расположились вблизи его, въ живописной равнинѣ, лагеремъ. Козлуджи—совсѣмъ малень-

кій городишко, съ узенькими улочками и турецкими домами; война его не коснулась и онъ представлялся намъ цѣльнымъ и нетронутымъ, съ жителями разныхъ національностей, спокойно сидящихъ въ своихъ маленькихъ лавченкахъ съ дешевымъ и плохимъ товаромъ.

Крѣпость Варна готовилась въ то время къ очищенію и отрядъ нашъ возвратился вновь въ г. Базарджикъ, откуда, въ составѣ цѣлаго корпуса, двинулись мы, наконецъ, въ іюль мѣсяцѣ, для занятія Варны, чѣмъ и ускорили работы турокъ для ея очищенія. Подъ Варной, верстахъ въ 5—6-ти, расположились войска наши лагеремъ, занявъ самыя значительныя укрѣпленія ея; турецкія войска, какія еще оставались здѣсь, стояли о бокъ съ нашими, ближе къ городу, на берегу моря; караулы въ крѣпости занимали мы совмѣстно съ турецкими войсками; въ воротахъ крѣпости, на примѣръ, стоялъ нашъ часовой и турецкій; объявлены были отличія турецкихъ офицеровъ и отдавали взаимно честь другъ другу. Патрули назначались и днемъ и ночью и предписаны были строжайшія правила относительно обращенія съ жителями города и турецкими войсками и, благодаря этому, никакихъ недоразумѣній не было.

Мѣсто, занимаемое нашимъ лагеремъ, было довольно низкое, въ уровень съ моремъ; около насъ былъ большой разливъ лимана, благодаря близкому сосѣдству котораго, насъ начала одолевать лихорадка; лазареты были переполнены тифозными и лихорадочными больными и масса ми эвакуировались въ Россію; офицеры тоже всѣ

переболѣли за стоянку здѣсь, продолжавшуюся болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Однако, съ другой стороны, стоянка здѣсь была не безъ пріятности: очень дешево были фрукты и вино; виноградъ давали чуть-чуть не даромъ въ окрестныхъ виноградникахъ; купанье въ морѣ и лиманѣ было для насъ очень полезно и здорово. Въ то время получено было извѣстіе, что нашъ XIV-й корпусъ назначенъ окупаціоннымъ и оставлялся въ Болгаріи еще на одинъ годъ, — вотъ, что готовила намъ судьба, когда мы весело мечтали о возвращеніи на родину...

Въ началѣ сентября, двинулись мы къ югу отъ Варны, черезъ Большія Балканы, въ городъ Кыркъ-Килисэ, — нашу зимнюю стоянку.

При переходѣ черезъ Балканы въ эту пору, а тѣмъ болѣе, при обстановкѣ мирнаго похода, — мы затрудненій никакихъ не встрѣчали, не считая, разумѣется, трудности пути, вслѣдствіе крутыхъ подъемовъ и спусковъ, что особенно важно было для нашихъ обозовъ и артиллеріи. Горы сплошь были покрыты листовнымъ лѣсомъ, который скрывалъ отъ взоровъ нашихъ кручи и обрывы и доставлялъ намъ въ обиліи топливо и подстилку. Пройдя деревню Айваджикъ, мы перевалили самую значительную гору на нашемъ пути Эркечь въ 1,343 фута; черезъ деревню Ахлы — достигли довольно бѣднаго города Айдось, гдѣ повстрѣчали отрядъ ингушей, идущихъ для посадки на суда, въ городъ Бургасъ.

Рѣдко у кого изъ нихъ мы видѣли по два креста: все были съ тремя и четырьмя. Съ ка-

кою завистью солдаты и офицеры смотрѣли на нихъ,—вотъ эти, такъ видали виды!.. Какъ только стали мы бивуакомъ, они сейчасъ-же, на коняхъ, прискакали къ намъ и давай продавать лошадей; цѣлый вечеръ любовались мы на скачку этихъ лихихъ молодцевъ; одно только жалко было, что съ ними нельзя было разговориться: плохо говорятъ по русски, а хотѣлось-бы поразеспросить ихъ, въ какихъ дѣлахъ они побывали, за что крестовъ такъ много нахватили...

Изъ Айдоса пошли на деревни: Руссо-Кастро, Карабунаръ, Умуръ-Ораки, Кайбиляръ и Ереклеръ. Подъ самымъ Кыркъ-Килисомъ стали попадаться виноградники, тянувшіеся на нѣсколько верстъ, а городъ сплошь былъ окруженъ ими.

Мѣсто для бивуака цѣлой дивизіи было выбрано на югъ отъ города, верстахъ въ 3—4-хъ; но скоро приказано было заготовлять матеріалъ для постройки землянокъ и мы перешли на выбранное для зимовки мѣсто, ближе къ самому городу. Работа по устройству землянокъ закипѣла, а тутъ, вскорѣ, были получены нами бердановскіе винтовки — и пошло обученіе новому оружію и пристрѣлка. Ружья солдатамъ понравились: экстракція вполне удовлетворяла, а дальность, просто, поражала. Наконецъ, землянки были готовы и мы поселились въ нихъ; въ каждой, устроенной на полуроту, имѣлась печь и нары, а въ офицерскихъ,—и перегородка для прислуги. Все шло прекрасно, землянками всѣ были довольны; но вотъ, пошли дожди, съ окрестныхъ горъ побѣжала вода въ котловину, гдѣ устроены

были землянки и мы пожалѣли о палаткахъ; вода просачивалась внутрь, разрушала криши, стѣны; разрушала такъ основательно, что землянку приходилось бросать и строить другую или-же тѣсниться въ тѣхъ, коихъ вода не тронула. Одна ночь особенно памятна, когда вода прорвалась откуда-то и широкой лавой залила наши землянки: въ ужасной тревогѣ повскакивали мы съ своихъ постелей и давай соваться въ разные стороны, вынося наше имущество туда, гдѣ было сухо; зажгли костры, стали сушиться и до утра толпились у огня, не имѣя, гдѣ преклонить головы: рѣдкая землянка была не залита водой. Въ общемъ, жизнь наша здѣсь была хорошая: мы получали хлѣбъ, хорошую пищу, за чѣмъ особенно наблюдалъ нашъ корпусный командиръ, генераль-лейтенантъ Веревкинъ; люди, хотя и болѣли вначалѣ, но, благодаря заботливости начальства, благодаря лечебницамъ, болѣзнь прекратилась. Болгары продавали вино мѣстное очень дешево, такъ-что бутылка обходилась не болѣе 10-ти копѣекъ на наше серебро и вино было очень хорошаго качества. Послѣ дождей выпадалъ снѣгъ нѣсколько разъ, но лежалъ дня по два, по три и самое больше, — недѣлю и то, если солнце не показывалось; а какъ солнце — такъ къ 11—12-ти часамъ снѣгу какъ не бывало и бѣжить уже ручьями вода, заставляя солдата принимать мѣры отъ ея разрушительнаго дѣйствія.

Городъ Кыркъ-Килисе, съ прибытіемъ войскъ, ожилъ: въ немъ открылось множество лавокъ и магазиновъ, а еще болѣе разныхъ увеселительныхъ мѣстъ, гдѣ съ предупредительностью при-

нимали русское золото и серебро. Стали вызывать офицеровъ и унтеръ-офицеровъ на болгарскую службу; охотниковъ изъ нижнихъ чиновъ находилось немного, — хотѣлось домой, на родину поскорѣй; крынковскія винтовки отправили тоже болгарамъ на службу.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1879 года получено было распоряженіе объ обратномъ движеніи въ Россію, и вотъ, наконецъ, насталь давно ожидаемый нами походъ, — послѣдній походъ по Турціи. Двинулись мы на городъ Бургасъ — портъ на Черномъ морѣ, гдѣ назначена была посадка на суда; погода благопріятствовала вначалѣ, но въ послѣдній переходъ къ Бургасу, за одну ночь, выпалъ такой снѣгъ, какой можетъ быть только въ Россіи; цѣлый полкъ растянулся гуськомъ по одному, въ затылокъ; самъ командиръ полка первымъ прокладывалъ путь по сугробамъ снѣга, который не оставилъ ни малѣйшаго признака дороги.

Стали бивуакомъ у бухты Чингине-Скеле, приспособленной русскими властями для посадки войскъ; здѣсь были устроены два-три домика въ русскомъ вкусѣ, гдѣ помѣщались моряки, служащіе и комендантъ. Простояли здѣсь цѣлую недѣлю, сдавая лошадей лишнихъ, лишнія тяжести; нагрузка обозовъ тянулась дня два и, наконецъ, люди были помѣщены на баржи и перевезены на пароходъ добровольнаго флота «Москва», гдѣ и помѣстились какъ сельди въ бочкѣ; но мы готовы были и худшую участь испытать, лишь-бы ѣхать. На пути въ г. Одессу, покачало насъ въ морѣ порядочно и многіе сол-

даты и офицеры болѣли, но, какъ ступили на Русскую землю,—всё, какъ рукой сняло; здѣсь жители встрѣтили насъ радостными криками и угощеніемъ.

Карантинъ и разгрузка продолжались недѣли двѣ, за кое время полкъ былъ расположенъ въ дер. Маякахъ и около лежащихъ селеніяхъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на Страстной недѣлѣ Великаго поста, прибылъ полкъ въ Люблинъ, а черезъ два-три дня перешѣлъ въ пос. Ополе — нашу новую стоянку...

По поводу перваго 25-лѣтія.

По поводу исполнившагося XXV-тилѣтія «Освободительной войны», въ настоящемъ году много приводится воспоминаній на страницахъ журналовъ и газетъ о разныхъ эпизодахъ этой, по истинѣ, геройской войны, но до сихъ поръ никто не обмолвился ни единымъ словомъ о первой переправѣ черезъ Дунай у г. Галаца 1-й бригады 18 пѣхотной дивизіи, корпуса Ген.-лейт. Циммермана, 10 іюня 1877 года. А между тѣмъ переправа эта въ свое время была у всѣхъ на языкѣ и своимъ рискомъ и удачей вызвала общее изумленіе, послуживъ въ то-же время какъ-бы толчкомъ для новаго движенія добровольцевъ-схотниковъ, стрѣмящихся примкнуть къ общему движенію за освобожденіе славянъ, (чему есть и

примѣры въ тѣхъ полкахъ); по ихъ разсказамъ, на вопросъ куда намъ ѣхать, въ какой отрядѣ? — въ Петербургѣ отвѣчали одно: къ Циммерману — въ Рязанскій и Рязскій полки...

Разумѣется, переправа эта не главная: она не имѣла такого рѣшающаго значенія, какъ переправа генерала Драгомирова, но эта переправа была именно первой: она-то и дала возможность Императору Александру II написать въ своемъ извѣстномъ воззваніи къ Болгарскому народу, (на болгарскомъ языкѣ), съ датой 10 іюня 1877 года: «Болгаре! Моя войска перешли Дунай и вступаютъ нынѣ въ землю вашу, гдѣ не разъ сражались они за облегченіе бѣдственной участи христіанъ Балканскаго полуострова»....

Это воззваніе впервые распространялъ и возвѣщалъ ген. Циммерманъ, которому оно было прислано изъ Главной квартиры тотчасъ-же по возвращеніи Государя изъ Галаца и войска, котораго съ артиллеріей, кавалеріей и обозами были собраны до 15 сщч іюня на томъ берегу Дуная. Не будучи главной — она, однако, сослужила важную службу этой войнѣ, давъ войскамъ въ ту минуту общаго напряженнаго ожиданія увѣренность въ себѣ, поднявъ духъ ихъ и окрѣпивъ надеждой ихъ стремленія къ правому дѣлу, къ дѣлу освобожденія своихъ братьевъ славянъ отъ безправнаго турецкаго ига и такимъ образомъ способствовала къ ихъ дальнѣйшимъ побѣдамъ, начало коимъ такъ славно положилъ ген. Драгомировъ въ своей главной переправѣ у Зимницы 15 іюня. Незабвенный Императоръ нашъ Александръ II первый оцѣнилъ заслуги Рязанскаго

и Рязскаго полковъ, собственноручно раздавъ Георгіевскіе кресты раненымъ офицерамъ (первая офицерская награда въ эту кампанію) и пришили въ рубашкамъ знаки отличія военнаго ордена раненымъ нижнимъ чинамъ, собраннымъ въ подвижномъ госпиталѣ въ г. Галацѣ, куда Онъ прибылъ изъ своей Главной квартиры гор. Плошты тотчасъ-же по полученіи отъ ген. Циммермана телеграммы о благополучномъ исходѣ этого труднаго предпріятія. Пребывая въ госпиталѣ, Государь переходилъ отъ одной койки къ другой, разспрашивая больныхъ о ранахъ, интересуясь каждой мельчайшей подробностью дѣла и своимъ ласковымъ голосомъ утѣшалъ и подавалъ надежду трудно раненымъ... До того было живо и радостно впечатлѣніе Императора, произведенное этой побѣдой, что Онъ тотчасъ-же послалъ на тотъ берегъ Дуная свиты своей ген. маіора Толстаго, чтобы тамъ передать жалуемые имъ Георгіевскіе кресты 4 степени ген.-маіору Жукову и прапорщику Сушкову и по 3 знака отличія военнаго ордена на каждую роту участниковъ, а въ 11 лин. роту и во 2-ю стрѣлковую роту Рязскаго полка—по 5 таковыхъ за особые ихъ подвиги.

Дѣло это, по словамъ очевидца и участника, происходило такъ *). Съ прибытіемъ 14-го арм. корпуса въ г. Галацъ и Браиловъ, Его Высочество Главнокомандующій приказалъ ген. Циммерману произвести переправу черезъ Дунай на судахъ и торопилъ его сдѣлать это по возможно-

*) По рассказамъ прапорщика Н. Г. Гвоздева, нынѣ уже умершаго, по выходѣ въ отставку подполковникомъ.

сти скорѣе, до спада водъ Дуная, (которыя были на 14 футовъ выше ординара), подчеркивая важное значеніе ея для всей кампаніи. Исполнителемъ задуманнаго предпріятія ген. Циммерманомъ былъ избранъ боевой офицеръ, ген.-маіоръ Жуковъ, командиръ 1 бригады 18 пѣх. дивизіи съ 10 ротами (по 5 отъ полка) Рязанскаго и Ряжскаго полковъ. Тотчасъ-же начаты были спѣшныя приготовленія: сборъ лодокъ и понтоновъ для посадки людей, устройство плотовъ для поднятія орудій и лошадей, опыты плаванія по Дунаю съ назначенными отъ полковъ офицерами—проводниками и нижними чинами—гребцами, изслѣдованія рѣки и ея разлива, для опредѣленія предстоящаго пути и все это закончено было къ 9 іюня, а вновь полученное приказаніе изъ Главной квартиры подвинуло и рѣшеніе переправиться въ ночь съ 9-го на 10-е іюня.

Вѣсть о предстоящей переправѣ на бивуакахъ была получена утромъ 9 іюня и съ этого времени здѣсь стало замѣтно необычайное оживленіе солдатъ, сдававшихъ свои тяжелыя ранцы и укладывавшихъ въ холщевыя сумы двухфунтовыя порціи мяса, сухари и двѣ смѣны бѣлья. Желавшіе офицеры и нижніе чины благоговѣйно пріобщались Св. Тайнъ у полковыхъ священниковъ здѣсь-же на бивуакахъ и въ разговорахъ о предстоящемъ дѣлѣ и безмолвномъ созерцаніи непріятельскаго берега, виднѣвшагося въ полуденной дымкѣ какъ разъ передъ бивуакомъ, дотянули время до выступленія, которое было назначено въ 3 часа дня. Отрядъ Ряжскаго полка, предназначенный для переправы былъ въ

слѣдующемъ составѣ: 5 линейная рота, подѣ командой поручика Кобалова, съ младшимъ офицеромъ прапорщикомъ Трынковскимъ, 11 линейная рота, подѣ командой поручика Ермолова, съ прапорщиками С. Васильевымъ и А. Липскимъ, 1 стрѣлковая рота, подѣ командой шт.-капитана Карякина, съ прапорщикомъ В. Ясинскимъ, 2-я стрѣлковая рота, подѣ командой капитана Годвойша, съ прапорщикомъ Никольскимъ и 3 стрѣлковая рота, подѣ командой шт.-капитана Гарновскаго, съ прапорщикомъ Гвоздевымъ и поручикомъ Яцевичемъ *). Командовалъ отрядомъ подполковникъ Акишоріевъ. Этотъ сводный отрядъ съ присоединеніемъ такового-же и отъ Рязанскаго полка, двинулся на пристань, что была противъ бивуака, а остальная часть обоихъ полковъ прослѣдовала черезъ весь г. Галацъ, сопровождаемая громадной толпой любопытныхъ горожанъ, которая и несходила съ берега до полной темноты. Часовъ въ 7 вечера сюда прибылъ рѣчной пароходъ и сталъ перевозить небольшими частями солдатъ, по главному руслу Дуная, на островъ Заклѣй, гдѣ на небольшой отмели его и оставалась эта часть бригады безъ всякаго движенія до утра слѣдующаго дня, непринимая никакого участія въ ночной переправѣ. Назначенныя-же собственно для переправы 10 ротъ начали посадку въ 6 ч. вечера, а, по окончаніи ея, съ наступленіемъ сумерокъ, тихо, безъ шума, отплыли вверхъ по

*) 1, 2 и 3 стрѣлковыя роты по возвращеніи въ Россію были переименованы въ 13, 14 и 15 роты, а 16-я рота была сформирована изъ нижнихъ чиновъ всѣхъ ротъ полка. (Высочайшій прик. отъ 7 апр. 1879 г. № 75).

рѣкѣ и, пересѣкши главное русло, расположились въ назначенныхъ имъ мѣстахъ, отдѣльно по полкамъ, причемъ флотилія Ряжцевъ заѣла въ камышахъ на югъзатопленнаго отъ острова Заклага, вдоль торчащихъ изъ воды столбцовъ телеграфной линіи. Между тѣмъ наступила совершенная темнота. Въ томительномъ молчаніи, безъ малѣйшаго шума, безъ куренья, досаждаемые цѣлыми тучами комаровъ, ожидали будущіе герои условленнаго часа общаго движенія. И вотъ, наконецъ, часъ этотъ насталь. Въ 11 ч. ночи Ряжанцы двинулись, направляясь къ восточному берегу Буджакскаго мыса, а вслѣдъ за ними двинулись и Ряжцы во главѣ съ своимъ командиромъ, полковникомъ П. Я. Шелковниковымъ, имѣя впереди себя завѣдывающихъ гребцами-охотниками маіора И. Я. Каннабиха и прапорщика Н. Г. Гвоздева, указывавшихъ изслѣдованный ими путь. Темно, ни зги не видно. Слышенъ только плескъ воды, неловкій ударъ весломъ, да шелестъ камыша.. При началѣ движенія, солдаты, сознавая всю важность настоящей минуты, снимали шапки и, творя крестное знаменіе, молились и вздыхали, прощаясь со всѣмъ ему милымъ, оставленнымъ тамъ, на далекой родинѣ.. Далеко еще—версты три предстояло переплыть. Все вниманіе было сосредоточено на томъ, чтобы неразрываться, не нарушать установленный порядокъ и это стоило громадныхъ усилій, такъ-какъ суда были не одинаковы. Вотъ плоты съ орудіями, лошадьми и прислугой заѣли уже на мель—грести бесполезно; гребцы повыскакивали изъ лодокъ и ко-

пошились у плотовъ, стараясь сдвинуть ихъ съ мѣста, чтобы черезъ нѣкоторое время вновь за-
сѣсть на мели: очевидно, вода начала спадать...
Вотъ послышался какой-то сопранный звукъ—
какъ будто выстрѣлъ. Глаза уставились впередъ,
слухъ въ напряженіи... Вотъ еще и еще—да
это выстрѣлы: теперь были видны даже бѣглые
огоньки гдѣ-то вдали, по непріятельскому берегу.
Значить, Рязанцы уже пристали и высаживаются
или, быть можетъ, они открыты въ пути?... Друж-
ней налегли на весла Ряжцы, еще живей пошла
работа, изо всѣхъ силъ гребутъ сидѣвшіе на
веслахъ матросы, казаки и пѣхотные гребцы:
имъ вѣдь нужно поспѣвать къ Западной сторонѣ
мыса, чтобы способствовать Рязанцамъ, угрожая
тылу непріятеля. Наконецъ выбрались изъ плав-
ней на чистое водное пространство озера Плес-
скаго и увидали приближающуюся лодку ген.
Жукова—«причаливайте прямо!» крикнулъ онъ.
Гребцы, поощряемые офицерами, съ новой силой
заработали веслами. Забѣлѣлось уже небо на
востокъ и сталъ выдѣляться силуэтъ Буджакска-
го хребта; выстрѣлы продолжались и рѣзко уже
звучали теперь—разстояніе до берега быстро
уменьшалось и, наконецъ, первыя лодки стали
приставать къ берегу.

Турки, занятые Рязанцами, проглядѣли вы-
садку Ряжцевъ и только небольшое число вы-
стрѣловъ встрѣтило ихъ при первыхъ шагахъ
на непріятельскомъ берегу—это ободрило Ряж-
цевъ и дружно, въ порядкѣ, пошла спѣшная
высадка ротъ. Наступившій разсвѣтъ теперь да-
валъ возможность туркамъ ясно видѣть, что пунктъ

высадки Ряжцевъ и ихъ движеніе могли отрѣзать имъ путь отступленія и они поспѣшили оставить свои ложементы, отстрѣливаясь на ходу. Такой оборотъ дѣла далъ возможность всѣмъ пяти ротамъ Ряжскаго полка высадиться въ замѣчательномъ порядкѣ. Первой вышла на берегъ 1-я стрѣлковая рота поручика Карякина, которая, устроившись, тотчасъ-же была разсыпана по звѣньямъ въ цѣпь и быстро двинулась впередъ на скалистый берегъ Буджака, за ней 2-я стрѣлковая рота капитана Годвойна, разсыпавшаяся правѣе 1-й, потомъ 11-я линейная рота поручика -Ермолова, ставшая правѣе 2-й стр. роты, дальше 3-я стрѣлковая рота шт.-капит. Гарновскаго, занявшая положеніе резерва относительно первыхъ трехъ ротъ въ началѣ боя. Пятая-же линейная рота поручика Кабалова, находясь еще на веслахъ и видя наступленіе своихъ вдоль берега, продвинулась еще дальше и высадилась при первой-же возможности, минуя недоступныя мѣста, и разсыпалась у самаго берега, нѣсколько позади 11 лин. роты, способствуя все время отраженію баши-бузуковъ, не разъ стрѣмившихся прорваться въ этомъ мѣстѣ, чтобы обойти нашъ правый флангъ.

Такимъ образомъ, благодаря оплошности турокъ, вскорѣ 1 стрѣлковая рота Ряжскаго полка вошла въ связь съ 6 ротой Рязанскаго полка и уже общей линіей Ряжцы и Рязанцы повели наступленіе, вѣрнѣе преслѣдованіе, такъ-какъ турки отступали безостановочно версты 3. Однако, по мѣрѣ движенія нашихъ впередъ, связь между ротами дѣлалась все слабѣе, линія стрѣлковъ

тоньше; вошла уже въ линію и 3 стрѣлковая рота, а такая прибавка была почти незамѣтна, такъ-какъ мысль къ югу разширялся; а крайній берегъ изъ боязни обхода нельзя было обнажить и въ резервъ ни одной роты уже не было. При началѣ наступательнаго движенія наши солдаты горячились, открывъ частую стрѣльбу, но офицеры скоро прекратили это напомниманіемъ о бесполезности ея и сбереженіи патроновъ.

Солнце уже стало припекать и солдаты уже притомились. Но вотъ турки остановились, занявъ хорошую позицію и открыли такой частый огонь, что солдаты наши диву дались: «ишь какъ жарить, проклятый, — и откуда только патроны беретъ!..» Залегли и наши и тоже стали стрѣлять, но не потурецки, а повидимой цѣли. Однако и турки хорошо пристрѣлялись: нельзя было головы приподнять, какъ сюда посыпалось сразу нѣсколько выстрѣловъ, но наши скоро догадались и, пользуясь высокою пшеницей, стали переползать съ одного мѣста на другое, откуда уже вновь нацѣливали турка. Отдохнули уже порядочно и командиръ полка приказалъ вновь наступать подпаялись всей цѣпью разомъ и двинулись — двинулись и турки и опять стали отступать.. Достигли наконецъ высотъ у д. Гарвино и тутъ неожиданно были встрѣчены замѣчательно мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ: видимо, разстояніе туркамъ было хорошо извѣстно и вотъ здѣсь-то и были наши главные потери убитыми и ранеными и здѣсь-же былъ убитъ прапорщикъ Рязскаго полка Васильевъ, состоявшій младшимъ офицеромъ 11-й линейной роты. Перемѣщеніе ротъ

съ мѣста на мѣсто на небольшихъ разстояніяхъ, видимо, пользы не приносило и теперь только каждый солдатъ вспомнилъ про свою артиллерію, но ее не было... Турки-же ободрились и, прекративши отступленіе, стали устраиваться правильными линіями, а съ приближеніемъ свѣжихъ частей изъ резерва—двинулись разомъ на нашихъ. Движеніе это было настолько внушительное и такъ поразило нашихъ послѣ ихъ столь продолжительнаго отступленія, что чуть было не подались наши назадъ, но еще моментъ и поручикъ Ермоловъ, поднявшись во весь свой громадный ростъ, зычно крикнулъ: «рота впередъ!» Какъ одинъ человекъ поднялась вся 11-я рота и двинулась на турокъ за своимъ командиромъ, а за ними и вся 2-я стрѣлковая рота, такъ-какъ направленіе турки держали именно на нашу центръ. Крикъ «ура» и стремительное наступленіе этихъ двухъ ротъ ошеломило турокъ и они приостановились, какъ-бы въ нерѣшительности... Но въ это именно время полковникъ Шелковниковъ приказалъ барабанщику, бывшему при немъ, ударить бой къ атакѣ; бой этотъ тотчасъ же былъ принятъ по всей линіи и всѣ остальные роты, быстро поднявшись, пошли въ наступленіе. Моментъ былъ удачный: турки повернули назадъ... 11 лин. и 2 стр. роты, видя отступленіе турокъ, бѣгомъ съ крикомъ ура нагнали ихъ и врѣзались въ рукопашную, а турки уже обратились въ бѣгство... Вдругъ сзади нашихъ раздался орудійный выстрѣлъ—«обойдены», каждый подумалъ про себя... До того невѣроятна была мысль о своей артиллеріи!.. Но это именно

было наше орудіе, Богъ вѣсть какими судьбами доставленное на позицію молодцами артиллеристами. Раздался второй выстрѣлъ и сразу наши поняли чье это орудіе: колонна турецкая, стоявшая до сего времени спокойно, зашевелилась, размѣталась и пошла на утѣкъ въ горы... Дружное, радостное «ура» огласило воздухъ и привѣтствовало удачный выстрѣлъ своего единственнаго орудія, которое и рѣшило участь сраженія. Увлеченныя преслѣдованіемъ турокъ, 11 лин. и 2 стр. роты были атакованы башибузуками, но уже не смущались. Ряжцы—они и на конныхъ шли со штыкомъ!... Въ этотъ именно моментъ и погибъ младшій офицеръ 2 стр. роты прапорщикъ Никольскій, опередившій со своимъ звѣномъ всѣхъ: онъ былъ изрубленъ въ куски вмѣстѣ со звѣномъ, не отстававшимъ отъ своего начальника...

Бѣгство турокъ было безостановочное, пока они не втянулись по дорогѣ въ горы, вельдъ за колонной, по направленію къ г. Мачину, но ихъ ни кто и не преслѣдовалъ: двѣнадцатичасовой, почти непрерывный, бой страшно истомилъ людей и они, услыша «отбой», какъ на маневрахъ мирнаго времени, томимые жаждой, подъ палящими лучами солнца, въ изнеможеніи полегли на землю и отдыхали теперь даже безъ обычныхъ разговоровъ...

Однако, успѣхъ этотъ не обошелся даромъ: изъ всего отряда вышло убитыми—офицеровъ 3, и нижнихъ чиновъ 41 и ранеными—офицеровъ 2 и нижнихъ чиновъ 88 человекъ.

Роты, оставленные на островъ Заклуй, присоединялись къ своимъ боевымъ товарищамъ лишь послѣ полудня 10 іюня, когда освободились лодки изъ подъ раненыхъ, перевозимыхъ въ г. Галаць, а 1-е баталіоны обоихъ полковъ, по позднему своему прибытію на турецкій берегъ, ночевали на самомъ берегу Дуная

Государь Императоръ въ своемъ приказѣ по войскамъ дѣйствующей арміи отъ 17 іюня, милостиво выражая свою признательность войскамъ, пишетъ такъ:

«Слѣдивъ съ живымъ участіемъ съ самаго объявленія войны за всѣми распоряженіями Главнокомандующаго дѣйствующею арміею, для сосредоточенія войскъ къ назначеннымъ пунктамъ, Я лично убѣдился въ примѣрномъ порядкѣ въ движеніяхъ, въ заботахъ о сохраненіи здоровья войскъ, о продовольствіи ихъ, а затѣмъ и въ искусныхъ распоряженіяхъ для исполненія совершившихся нынѣ съ полнымъ успѣхомъ переправъ черезъ Дунай, первоначально частями 14 армейскаго корпуса у Галаца и Браилова, а потомъ главными силами у Зимницы. Бывъ очевидцемъ превосходнаго дѣйствія нашей артиллеріи, работъ неутомимыхъ саперъ и пантонёровъ, отважныхъ подвиговъ состоящихъ при арміи моряковъ и, наконецъ, геройскихъ дѣйствій частей войскъ, участвовавшихъ въ бояхъ 10 іюня въ Буджакѣ и 15 іюня при Систовѣ, Я поставляю себѣ въ истинное удовольствіе выразить мою сердечную и глубокую признательность Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему дѣйствующей арміей, Его ближайшимъ помощ-

никамъ и храбрымъ войскамъ моимъ, покрывшимъ себя новою славою».

За оказанные подвиги мужества и храбрости при переправѣ черезъ Дунай Рязанскому и Рязскому полкамъ Высочайше пожалованы по одному Георгіевскому знамени и по двѣ Георгіевскихъ-же серебряные трубы съ надписью: «За переправу черезъ Дунай у г. Галаца 10 іюня 1877 года».

Вотъ что пишетъ г. С. К. Апикинъ въ журналѣ «Чтеніе для Солдатъ» (Вып. VII, кн. 4-я, 1902 г.) о переправѣ черезъ Дунай у г. Галаца.

«Исполняя настоятельное приказаніе Его Высочества Главнокомандующаго, Нижне-Дунайскій отрядъ, утромъ 10 іюня, переправился черезъ Дунай и сбиль турокъ съ Буджакскихъ позицій. Бой былъ кровопролитный и отличался особымъ упорствомъ турокъ, выказавшихъ въ этомъ дѣлѣ замѣчательную храбрость. Но наши къ храбрости присоединили и стойкость, которая въ концѣ концовъ побѣдила. Буджакскія высоты обороняли 3,000 чел. пѣхоты и отъ 3 до 4,000 человекъ черкесской кавалеріи. Силы не велики, но если принять во вниманіе, что сразу не могло переправиться болѣе 1,800 человекъ, то станетъ понятной та стойкость, которая должна была выказаться передовыми. Осыпанная пулями, какъ дождемъ, къ счастью, пронесшимся надъ головами, передовые смѣло бросились на турецкія позиціи. Турки встрѣтили молодцовъ штыками, а сбитые, но усиленные резервами, и сами не разъ переходили въ наступленіе. Ожесточенность первыхъ схватокъ наглядно доказывается

страшными штыковыми ранами, съ которыми находили на первой и второй позиціяхъ, послѣ боя, какъ нашихъ, такъ и турокъ. Но самыя кровопролитныя схватки произошли въ промежуткѣ между второй и третьей позиціями. Здѣсь мѣстность была сравнительно ровной, чѣмъ и воспользовались черкесы, ударившіе въ шашки. Не мало здѣсь легло нашихъ подъ ихъ ударами, пока не подошла помощь. Пшеничныя поля были измяты и окрашены кровью героевъ, окруженныхъ, но не сдававшихся и боровшихся буквально до послѣдней капли крови. Тѣхъ-же раненыхъ, которые не могли подняться, черкесы сами добывали. Они варварски обезображивали даже мертвыхъ, что всё могли видѣть, когда трупы были собраны. Но ничто не помогло; Рязцы и Рязанцы выказали себя героями, стараясь заслужить вниманіе присутствующаго при арміи Верховнаго Вождя и не только заслужили такое вниманіе, но и вызвали Его справедливую благодарность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, стойкости и дружной выручкѣ другъ друга слѣдуетъ приписать ту незначительную, сравнительно съ достигнутымъ, потерю, которую Рязцы и Рязанцы понесли: убиты 2 офицера и 41 нижнихъ чина и ранены 2 офицера и 96 нижнихъ чиновъ.

Такъ кончился бой 10 іюня, а на другой день г. Мачинъ былъ занятъ безъ сопротивленія. Отсюда отрядъ двинулся въ глубь Добруджи».

Дорого цѣня Царскія милости и заслуги, животъ свой положившихъ въ этомъ славномъ дѣлѣ, Рязцы и Рязанцы съ тѣхъ поръ ежедне-

вно чествуютъ день 10 іюня товарищескимъ обѣдомъ въ Офицерскомъ Собраніи и обмѣниваются дружескими поздравительными телеграммами; а въ настоящемъ году, по поводу исполнившагося XXV-ти лѣтія переправы черезъ Дунай, на товарищескомъ обѣдѣ, каждому офицеру было предложено и меню — памятка съ фотографіями оставшихся въ живыхъ участниковъ компаніи 1877—78 г.г. своего полка, помѣщенныхъ въ виньетки, съ соотвѣтствующими случаю рисунками.

Идя на встрѣчу пламенному желанію своихъ боевыхъ частей, участниковъ минувшей кампаніи, командиръ 14 армейскаго корпуса въ приказѣ своемъ отъ 22 марта с. г. за № 39, выразилъ желаніе торжественно ознаменовать $\frac{1}{4}$ вѣковую годовщину объявленія войны Турціи, для чего и предложилъ: отслуживъ наканунѣ всенощную и панихиду по убіеннымъ чинамъ части въ бояхъ съ турками, въ день празднованія отслужить литургію и торжественный молебенъ передъ фронтомъ части, съ превозглашеніемъ вѣчной памяти въ Бозѣ почивающимъ Государямъ Императорамъ Александру II, Александру III и всѣмъ чинамъ, животъ свой положившимъ на полѣ брани; послѣ-же молебствія произвести парадъ со знаменами и хорами музыки; людямъ выдать по чаркѣ водки и улучшенное довольствіе; послѣ-же обѣда произвести солдатскіе игры и состязанія съ призами, а вечеромъ — чтенія изъ войны 1877—78 гг. и живыя картины.

Ряжскій полкъ, отнесясь очень сочувственно къ этому предложенію, 15 апрѣля, послѣ торжественнаго молебна и церемоніальнаго марша съ

распущенными знаменами, чествовалъ день 25-ти лѣтїя Освободительной войны товарищескимъ обѣдомъ въ Офицерскомъ Собранїи, съ оригинальнымъ меню изъ болгарскихъ яствъ и напитковъ, а нижнимъ чинамъ былъ улучшенный обѣдъ съ чаркой водки. Послѣ обѣда начались увеселенїя нижнихъ чиновъ и игры на призы, причѣмъ хоръ полковой музыки привлекъ на плацъ массу зрителей изъ окрестныхъ крестьянъ. Вечеромъ для офицеровъ было сдѣлано сообщенїе объ участїи полка въ чествуемую войну однимъ изъ участниковъ въ войнѣ съ полкомъ офицеровъ. А на другой день таковыя-же сообщенїя сопровождаемая картинами волшебнаго фонаря, были сдѣланы и для всѣхъ чиновъ полка, по баталїонно.

На память о 100-лѣтїи въ годовомъ юбилеѣ Освободительной войны была воспроизведена фотографическая группа всѣхъ участниковъ войны, каковыхъ въ полку, во главѣ съ командиромъ, имѣется двѣнадцать человекъ.

Капитанъ Гуськовъ.

Юля 27 дня 1902 г.

На XXV-лѣтній юбилей
14-го армейскаго корпуса (1877—1902).

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Кому не вѣдомы, не знамы
Полки старые, удалы:
Лейбъ Московскій и Бутырскій,
Тарутинскій и Бородинскій?!

Кто не слыхаль про полкъ Рязанскій,
Ряжскій, Тульскій и Бѣлевскій?

—Кто не слыхаль этихъ именъ,—
Не знаетъ славы ихъ знаменъ!

Одни изъ нихъ Петра вѣдь знаютъ,
Его науку воспоминаютъ:

Вѣдь вмѣстѣ съ нимъ и за одно
Въ Европу сдѣлали окно!

Другимъ—Суворовъ батькой былъ,

Съ ними свѣтъ весь удивилъ:

Поляковъ, турокъ и французовъ

Навѣрняка всегда онъ билъ!

Когда на Русь бѣда приспѣла—

Бонапартъ войною шель,

Полки тѣ не были безъ дѣла:

Изъ нихъ каждый въ бой пошелъ.

И на Кавказѣ побывали
Черкесовъ буйныхъ усмиряли,—
Иные тамъ лѣтъ десять были,
Пока Кавказъ не покорили.

Другимъ досталась труднѣй доля—
Встрѣчать врага на Черномъ морѣ
И Севастополь защищать,
Чтобы родную Русь спасти!

Вотъ нашъ корпусъ и собрали
Изъ этихъ старыхъ-то полковъ,
А какъ собрали, то сказали,
Чтобы къ войнѣ онъ былъ готовъ.

Война готовилась не даромъ:
Болгаръ, слышь, турка обижалъ—
Палилъ добро у нихъ пожаромъ
И на колѣ людей сажалъ!..

Тогда нашъ Царь-Освободитель,
Всѣхъ угнетенныхъ утѣшитель,
Султану объявилъ войну
И послалъ войска къ нему.

Не долго думали-гадали:
Недѣли въ двѣ мы ходу дали
Прямо на Дунай—въ Галаць
И лагеремъ заняли плаць.

Корпусной нашъ Циммерманъ,
Обдумавъ переправы планъ,
Рязанцевъ, Рязцевъ посадилъ —
Буджакъ у турокъ отхватилъ!

Царь пріѣхалъ, поздравлялъ,
Благодарилъ и награждалъ—
Кто первымъ кровь свою пролилъ,
Знамень своихъ не посрамилъ!..

Такой сдѣлавши починъ,
Корпусъ нашъ занялъ Мачинъ
И, строго наблюдая турокъ—
Ждалъ переправы главныхъ силъ.

Потомъ впередъ мы устрѣмились,
Въ Меджидѣ съ турками сразились
И, прогнавши ихъ въ Праводы,
Взяли городъ Черноводы.

Зимой—еще одинъ напоръ
И Базарджикъ мы съ бою взяли,—
Тутъ Санстефанскій договоръ
О мирѣ турки подписали.

Нашъ Царь болгаръ освободилъ
И войска домой пустилъ
Нашъ-же корпусъ задержали,
Чтобъ договоръ не нарушали.

На мѣстѣ долго не стояли:
 Пошли Варну занимать, —
 Тутъ и Веревкина прислали
 Сейчасъ-же корпусъ нашъ принять.

Черезъ Балканы зашагали
 И въ Киркъ-Кились пришли стоять.
 Бердана ружья намъ прислали,
 Чтобы болгарамъ Крынка сдать.

Въ землянкахъ зиму отстояли,
 А весной пошли въ Бургасъ
 И здѣсь-то вотъ мы увидали,
 Что пароходы ждали насъ.

Въ Одессу моремъ мы приплыли
 И отстояли карантинъ,
 А потомъ ужъ по машинѣ —
 Въ Сѣдлецъ, Холмъ, да и въ Люблинъ.

За отличья боевыя
 Царь въ полки награды далъ:
 Такъ сказанія былия
 Каждый полкъ вновь поддержалъ!

Нарбутъ, старый генераль,
 Что на войнѣ съ нами бывалъ —
 Отъ Веревкина нашъ корпусъ
 Подъ свою команду взялъ.

Какъ въ отставку Нарбутъ подалъ,
 Крживоблоцкій заступилъ,
 А потомъ уже Столѣтовъ
 Крживоблоцкаго смѣнилъ.

Генералъ-же Хрещатицкій —
 Рода стараго казакъ —
 Отъ Столѣтова взялъ корпусъ
 Года три тому назадъ.

Теперь, братцы, попируемъ
 Во славу трудныхъ прежнихъ дней,
 Справимъ дружно, беззаботно,
 Первый славный юбилей!

Перву чару мы наполнимъ —
 Выпьемъ за Царя до дна!
 А потомъ Начальство вспомнимъ,
 Пожелавши имъ добра!

Потомъ встанемъ въ круговую,
 Вспомнимъ, братцы, стариковъ —
 Грянемъ пѣсню удалую
 Про былую жизнь полковъ!

Гей, вы, нонѣшни солдаты!
 Не отстають отъ стариковъ!
 Будьте смѣлы, храбры — хватайте —
 Храните вы завѣтъ полковъ!

С. Гуськовъ.

О П Е Ч А Т К И.

Страницы	Строка сверху.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
8	13	вызвѣла	вызывала
24	21	попадались	попадали
»	33	тѣлодвиженія	п тѣлодвиженіи
54	23	расположившись	расположились
»	29	дня два-три	дни черезъ два три
»	32	расположившись	расположились
70	31	который	котораго
71	20	а того	а у того
78	10	скоро часы	скоро на часы
97	16	такая	какая
110	13	Акипиріевъ	Акинфѣевъ
112	4	сопранный	странный
119-120	33-1	ежедневно	ежегодно.
